Автономка

Автор:
Сергей Самаров

Автономка

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

В дом генерала спецназа внутренних войск Арцыбашева врываются бандиты. Хозяин дома убит, но не его жизнь была нужна преступникам. Их цель – старинная сарацинская сабля, хранившаяся у генерала. Ее клинок украшен зашифрованной надписью, прочесть которую можно только с помощью ножен сабли. Ножны бандиты найти не смогли, но это – лишь вопрос времени…

Похитители не учли лишь одного: у генерала остался сын – старший лейтенант спецназа ГРУ Василий Арцыбашев. С согласия своего начальства он начинает автономное расследование убийства своего отца – и поиски фамильного раритета…

Сергей Самаров

Автономка

Пролог

1. Октябрь 1191 года, Палестина

С каменистого холма, над которым возвышался великолепный ливанский кедр, невдалеке виднелось море. Оно было по-зимнему хмурым и совсем не ласковым, хотя зима еще не пришла в эти южные края, да и приходила она туда далеко не каждый год. И даже то, что здесь называли зимой, по европейским меркам больше походило на холодное лето…

Склон холма, спускавшийся к морю, был не полностью каменистым, но там, где между камнями проглядывала среди песков черная земля, все заросло сочной зеленой травкой. Ниже, под подошвой холма, земли уже не было, там шла утоптанная и выложенная камнями проезжая дорога. Говорили, что дорогу построили еще римляне, когда захватили эти благодатные края. Это могло быть правдой, поскольку сарацины через пустыни дороги не строили, и вообще не сильно уважали каменное строительство, предпочитая обходиться глиной. И даже поддерживать дорогу в рабочем состоянии не считали нужным. Потому местами ее занесло песком так, что камней и не было видно. Они провалились в почву, образовав ямины. И от былой практичности времен римского правления не осталось и следа.

Дальше, по ту сторону дороги, до самого берега лежал только песок, из которого лишь в отдельных местах торчали небольшие чахлые кустики с белыми ягодами, которые никто из европейцев не решался попробовать на вкус из-за их ядовитого вида.

Справа от холма расположился шатер султана Салах-ад-Дина, предводителя сарацинского войска. Слева поставил свою большую квадратную палатку герцог Конрад Монферратский, один из вождей христианского войска, провозглашенный королем Иерусалима, еще не завоеванного крестоносцами. Впрочем, с Салах-ад-Дином можно было договориться. Переговоры шли, и султан пошел на некоторые уступки. По крайней мере, он обещал не трогать паломников, которые войдут в Иерусалим без оружия, чтобы поклониться Гробу Господню. Султан уважал свою веру, и это позволяло ему уважать чужую.

К холму, на котором высился старый кедр, каждый из предводителей противоборствующих сторон приехал с тысячей всадников и свитой приближенных. Воины выстроились у подножия холма по обе стороны дороги: крестоносцы – со стороны холма, сарацины – со стороны моря. Но никто из них не проявлял агрессивности и в бой не рвался, хотя и рассматривали потенциальных противников с любопытством. Только два рыцаря готовились к бою, один – по правую сторону, рядом с шатром султана, второй – по левую,

рядом с палаткой Конрада Монферратского. Салах-ад-Дин и герцог стояли на середине склона холма в окружении свиты из знатных воинов и рыцарей и вели неторопливую беседу.

– Когда двое мужчин обнажают мечи, чтобы выяснить, кто из них сильнее, – это достойно уважения, – улыбаясь, сказал султан. – Хорошо бы и повелители научились решать споры между собой личным поединком. Что ты думаешь по этому поводу, герцог?

– Если учесть, что у тебя, султан, войска в несколько раз больше, чем у нас, и ты единственный ведешь его, то я был бы не против. Беда в том, что у нас в войске есть четыре короля, один император, не говоря уже о множестве герцогов и графов, каждый из которых считает главным именно себя. Один Ричард Первый чего стоит. И хотя поход официально возглавляет король Франции Филипп, Ричард позволяет себе никогда с ним не соглашаться, хотя является на самом-то деле вассалом, но всегда поступает по-своему. Если уж между своих согласия нет, то невозможно гарантировать, что поединок предводителей решил бы исход похода без войны.

– Я лично знаком с Львиным Сердцем, – возразил султан, – и отношусь к нему с большим уважением. При всех странностях его характера, Ричард человек несомненной отваги. А уже одно это вызывает восхищение. В прошлом году он атаковал мое войско, числом превосходившим его в десять раз, десятью тысячами против ста. И обратил в бегство моих воинов. Предводитель колонны посчитал, что на него напал передовой отряд, а остальные окружают с боков. Местность вокруг была холмистая, и незаметно «взять в клещи» было не сложно. Назови мне хоть одного, кто способен на такое[1 - Действительный эпизод.]…

– У нас много отважных рыцарей. Но большинство вместе с отвагой обладает здравым рассудком, в чем королю Ричарду иногда приходится отказывать… Но я вижу, что граф де Граммон готов к поединку. Готов ли твой рыцарь?

Султан улыбнулся.

– Хан Азир готов к сражению в любую минуту своей жизни. Он только и делает, что сражается, с того момента, как сел в седло. И я пока не встречал воина, который сумел бы выдержать его быстроту в бою. Он по рождению курд, как и я. И я горжусь, что у нас есть такой могучий батыр.

– Быстрота в каких-то случаях решает дело в поединке на мечах, – заметил герцог. – А граф Граммон превосходно сражается на копьях. Хотя мечом он тоже владеет недурно, редко его противник имеет возможность затем сразиться на мечах… А мы договорились, что рыцари сначала сойдутся с копьями, а потом только сразятся на мечах или любом другом оружии. Разве не так?

– Так, – согласился Салах-ад-Дин. – Но хан Азир и копье тоже взял в руки в первый раз не сегодня. Я думаю, что первую схватку он сумеет выдержать. А после этого, скажу честно, не завидую я твоему рыцарю.

– Ну-ну, – вздохнул герцог. – Ты, султан, хозяин здешних мест. Тебе и давать команду к бою… Пора уже начинать…

* * *

Под сарацинским воином был великолепный вороной конь, стремительный, как ветер, и едва прозвучал сигнал рога, как он взял с места сразу в резвый галоп. Хан Азир был одет в легкую чешуйчатую броню, которая не мешала двигаться ни коню, ни всаднику. Под графом Граммоном был тяжеловесный белый жеребец, способный своей грудью сбивать не только наездников, но и других более легких коней. Коня, как и рыцаря, покрывала броня, но белый жеребец легко двигался, словно и не чувствовал ее. Однако в скорости он значительно уступал арабскому скакуну.

Противники быстро сходились, но столкновение должно было произойти не посреди поля, а ближе к палатке Конрада Монферратского. Зная своего воина, султан и встретил герцога там, где должно было, по его расчетам, произойти столкновение. И угадал. Вороной скакун преодолел дистанцию чуть не на четверть большую, чем белый. Всадники заранее опустили копья, и видно было, что оба примеряются в середину щита противника. Впрочем, больше и некуда было попасть, поскольку оба воина заняли глухую оборону за ними, а попасть копьем в коня – это для рыцаря было несмываемым позором.

Противники мчались друг на друга, пригнувшись к шее коня, сжимая копья, и над щитами виднелись только верхушки их шлемов. Шлем графа Граммона был круглый, с прорезями для глаз, украшенный ладонью, повернутой вперед. Шлем хана Азира был остроконечным, без забрала, с перекрестьем на уровне носа и с бармицей[2 - Бармица – кольчужная сетка, крепящаяся к шлему, закрывала

горло и шею. Встречались шлемы с глухой бармицей, закрывающей все лицо.], закрывающей горло. Оба противника старались не высовываться из-за щита, но, когда до столкновения оставались считаные секунды, они приподняли головы, чтобы видеть момент удара. И тут Граммон показал свое мастерство. Он заметил, что хан высунулся из-за щита слишком далеко, и быстро сменил направление своего удара и успел выбросить руку вперед. Не сделай Граммон этого, копье Азира ударило бы его в щит и могло сбить прицел графской руки. При равной длине копий первый удар всегда ослабляет второй. Но рука Граммона слегка вытянулась, и удар наконечника пришелся не в щит, а в неприкрытое шлемом лицо.

Кони даже на дыбы не встали, как бывает при ударах копий в щиты. Хан Азир вываливался из седла вместе с застрявшим в голове копьем, а вороной скакун все продолжал движение. Белый жеребец был прекрасно обучен – без понукания всадника свернул в сторону и ударил своей бронью вороного. И тот свалился в сторону, как и хан Азир.

– У твоих рыцарей и кони боевые… – достаточно кисло заметил султан Салах-ад-Дин. – Твой рыцарь победил, и я поздравляю тебя. Пригласи графа к нам, я хочу выразить ему свое восхищение.

Герцог сделал рукой жест, и один из воинов свиты стал спускаться с холма, чтобы пригласить Граммона…

* * *

Граф выслушал поздравления султана, приложил руку к груди и молча поклонился. Это был уже немолодой воин, с усами, свисающими на грудь, с мрачным взглядом из-под косматых бровей. Воины султана как раз принесли на холм доспехи убитого хана Азира. Граф кивнул оруженосцу, приказывая принять доспехи. Согласно турнирному кодексу, они, вместе с конем, доставались победителю.

– У меня есть просьба к тебе, любезный граф, – сказал Салах-ад-Дин.

Граммон молча поднял брови.

– В твоей стране не воюют такими мечами… Ваши мечи более тяжелые и более длинные. К тому же они прямые, а меч хана Азира, по сути дела, является саблей. Так у нас зовут это оружие. Я готов заплатить за него цену, которую ты сам назначишь…

– Оружие должно достаться победителю? – спросил граф Граммон. – Таково было условие?

– Да, – согласился султан. – Но никто не может запретить тебе продать оружие побежденного. Тем более тебе нет в нем нужды…

– Пусть этот меч останется у меня на память, – граф еще раз приложил руку к груди и снова поклонился. – Я могу идти?

– Конечно, – султан сердито укусил себя за ус и повернулся к Конраду.

Герцог проводил взглядом своего рыцаря, спускающегося с холма, и улыбнулся Салах-ад-Дину с приветливостью, которой, судя по взгляду, не испытывал.

– Граммоны – старинный и богатый род. Земель и денег у них больше, чем у некоторых королей. Граф не желает торговать. Тебе, султан, следовало попросить его сделать подарок. На это Граммон мог бы согласиться.

– Тебе следовало предупредить меня раньше, – заметил султан. – Эта сабля ценна не драгоценностями, что украшают ее рукоятку, а ценна хорасанским клинком и надписью на клинке. Хан Азир никому не доверял свою саблю. Он не желал, чтобы люди прочитали надпись.

– А что там написано? – поинтересовался Конрад.

– Если Азир никому не давал свою саблю, откуда я могу знать, что там написано! Я и хотел прочитать, но твой граф лишил меня этой возможности.

– Пусть сам читает.

– Он не сумеет. Остались единицы людей, знающих древний язык наших предков. Я сам читаю его с трудом.

– Да, – согласился герцог Конрад. – Граф Граммон, кажется, даже на своем языке не умеет ни читать, ни писать. Он не прочитает.

На этом султан с герцогом Монферратским, несостоявшимся королем Иерусалима, стали прощаться. А граф Граммон около палатки герцога рассматривал свой трофей. Сабля была бесспорно красива. Черный рисунок булатного клинка был украшен золотой росписью. Части рисунка были видны в несимметрично расположенные отверстия в ножнах. Наверное, в них был какой-то смысл, непонятный рыцарю.

Но он, гордый своей победой, и не горел желанием узнать, что они означают. Графу даже показалось, что отверстия портят ножны, нарушая симметрию. Впрочем, это его интересовало меньше, чем драгоценные камни, украшающие ножны и эфес клинка…

2. Россия, 2009 год

Стемнело, как обычно в середине декабря, рано. Как будто природа ждала самого короткого дня в году, чтобы потом начать прибавлять по минуте для равновесия.

Немолодой уже, хотя и по-спортивному подтянутый, генерал-майор вошел в подъезд жилого дома, но не стал пользоваться лифтом, а своим ходом поднялся на шестой этаж. Этот подъем не был для него, всю свою жизнь прослужившего в спецназе, тяжелым и даже дыхание не сбивал. На шестом этаже не горел свет, но он быстро сориентировался, куда двигаться. Перед металлической дверью генерал остановился, вытащил из кармана ключи с брелоком и набрал на брелоке четырехзначный pin-код, выключая сигнализацию. Сигнализация издала какой-то нестандартный звук, на что генерал только плечами пожал – он мало доверял электронике, и тем не менее пользоваться ею приходилось постоянно. Генерал на ощупь вставил в замок ключ. Поворот ключа тоже не понравился генералу, был каким-то непривычно тугим и скрипучим, словно замок никогда не смазывался. И это заставило на секунду остановиться, задуматься, но только на секунду. Смешно в собственную квартиру входить с предосторожностями. Потом генерал открыл замок полностью, шагнул за порог, закрыл за спиной дверь, сразу попав в полную темноту, поскольку дверь из прихожей в комнату тоже была закрыта. И сразу почувствовал неладное. Он хотел сделать шаг назад, но

тут ему в грудь уперся пистолет.

– Не стесняйся, товарищ генерал, проходи. И не суетись. Я хорошо стреляю.

Голос был с заметным горским акцентом и невольно наводил генерала на мысль о северокавказских следах этого вторжения в квартиру. Ему пришлось немало повоевать на Северном Кавказе. Зная мстительный характер горцев, он мог предположить, что кто-то пожелал свести с ним счеты. Тем более что фраза «Я хорошо стреляю» из его собственного лексикона: если требовалось кого-то предупредить о последствиях сопротивления, генерал говорил именно так.

В это время зажегся свет и позволил оценить ситуацию. Человек с пистолетом, может быть, и умел хорошо стрелять, но не знал простой истины – если у тебя в руках пистолет, не торопись сближаться с противником. Сближение дает шансы на сопротивление, потому что удар с одновременным отклонением корпуса почти всегда быстрее, чем выстрел. Только кинорежиссеры, выстраивая дурацкие сцены, не понимают этой простой истины. К тому же пистолет следовало упирать в живот, а не держать его на вытянутой руке в неустойчивом положении. Но здесь, как оказалось, была подстраховка, не позволившая генералу показать, что он может предпринять в ответ. Второй человек стоял за вешалкой и тоже наставил пистолет на генерала. В данной ситуации, как рассудил хозяин квартиры, расстановка сил не на его стороне, и лучше было дождаться более удобного момента.

И в этот момент открылась дверь в комнату. В комнате было темно, и потому сложно было рассмотреть фигуру человека, стоящего в шаге за дверью. А свет, частично перекрытый самодельными антресолями, падал только на его ноги. Но голос генерал узнал сразу. В гости пришел, на этот раз с сопровождением, отставной полковник КГБ Иван Александрович Самойлов – человек, которого генерал настоятельно просил оставить себя в покое и не обращаться больше с предложениями, на которые будет только один ответ.

– Я все же решил, Иван Васильевич, попробовать с вами договориться… Пропустите хозяина в квартиру. Мой тезка человек разумный и умеет не только побеждать… Признание поражения не есть слабость. Слабый, наоборот, не может найти в себе силы признать поражение и ищет оправдание. А сильный, если проиграл, поражение признает безоговорочно.

Пропускать, однако, Ивана Васильевича никто не собирался. Или просто не стремились сразу выполнить команду. Следовательно, не уважали человека, ее отдающего, либо просто имели собственное мнение, как и равные права. И это следует учесть в дальнейшем. Если есть между противниками противоречие, его следует использовать с выгодой для себя. Иван Васильевич умел просчитывать последующие шаги точно так же, как умел и действовать спонтанно.

И тогда он спокойно отодвинул руку с пистолетом. Не осторожничая, а уверенно, демонстрируя презрение к оружию в чужих руках, стараясь не делать резких движений, способных спровоцировать выстрел. Плечом отодвинул человека, загораживающего ему путь, разделся, как всегда в прихожей, разулся и обувь поставил на место. То есть был настоящим хозяином в своем доме и вел себя так, будто бы не происходило ничего особенного. И его спокойствие, чувство собственного достоинства действовали на незваных гостей – Иван Васильевич это заметил. Как и то, что рядом с «тревожной» кнопкой на сигнализации обрезан провод. Следовательно, незаметно нажимать на кнопку бесполезно.

Он прошел в комнату и зажег свет. Там в темноте его дожидалось еще трое. Двери в две другие комнаты и кухню были закрыты, но не похоже было, что там еще кто-то прячется. К чему, когда их и без того пять человек на одного немолодого генерала? Пусть даже один из пяти старше его самого, но четверых, наверно, посчитали, должно хватить с избытком.

Он привык рассчитывать на собственные силы и лучше других знал свой боевой потенциал. В свои пятьдесят четыре генерал-майор Арцыбашев выдерживал без изнеможения все марш-броски, что сам проводил для спецназа внутренних войск, а в рукопашных учебных боях многим молодым обладателям такого же крапового берета мог дать фору. И четверо противников его не смутили бы.

– Извините уж, Иван Васильевич, что так назойливо ведем себя… – ухмыляясь, сказал тот, что старше. – Но это последствия вашего нежелания вести переговоры.

– Переговоры в таком тоне, что вы пытаетесь мне навязать, ведутся с побежденным противником. А вы еще не победили меня, Иван Александрович. И я не уверен, что сумеете.

– Мне кажется, сам факт нашего появления здесь – уже победа.

– Ошибаетесь, товарищ полковник. Но вам трудно понять, что такое победа. Вы были полковником КГБ, кабинетным сотрудником, и потому не в состоянии ощутить вкус настоящей победы. Вы по большому счету не знаете, что это такое… Кажется, я не ошибся в вашем имени-отчестве? И фамилию вашу, кажется, помню. Самойлов? Так?

Полковник ухмыльнулся уже без желания изобразить улыбку.

– Так, так… Но мне самому вовсе не обязательно проходить полный курс боевых ощущений. Вкус победы хорошо знаком одному из моих парней… – И кивнул в сторону самого крупного: – Чемпион мира по боям без правил.

Генерал посмотрел с легким любопытством. Рост сто девяносто, вес около ста двадцати. Откровенный тяжеловес. Это впечатлило бы человека с улицы, но не генерала краповых беретов, который сам имел вес чуть меньше ста, да и ростом был ненамного меньше чемпиона.

– А до боев без правил чем ваш боец занимался? Из какого вида в бои пришел?

– Я сразу с боев начал, – плохо выговаривая слова по-русски, сказал чемпион мира.

– Значит, базы нет. Ничего не умеешь, – отмахнулся генерал.

– Он – чемпион мира, – напомнил отставной полковник КГБ.

– Я знаю, что такое чемпионат мира в современных условиях. Большинство чемпионатов можно приравнять к чемпионату двора. Пригласят пару парней из наших бывших республик и объявляют, что проводят чемпионат мира. И даже специально для этого случая собственную федерацию регистрируют. Много я таких чемпионов видел. А в действительности они – «добро» на лопате…

Это чемпиона мира сильно ударило по самолюбию, даже руку поднял, показывая, что может и удар нанести. Но дистанция между ним и генералом была метра три – на такой дистанции руку поднимать безопасно, как подумал, видимо, чемпион. И никто не ожидал реакции немолодого генерала. Он эти три метра преодолел одним скользящим скачком и нанес прямой удар в челюсть.

Причем кулак попал в точку в самом конце траектории движения, то есть в момент, когда рука набирает максимальную силу. Чемпион мира рухнул и несколько мгновений даже головой не шевелил. Все остальные, кроме полковника, тут же подняли пистолеты. Три ствола смотрели в грудь генералу, который сохранял полное спокойствие.

Так же спокоен был и Самойлов.

– Это впечатляет, – согласился полковник. – Вам можно и самому в чемпионате мира участвовать. Но кулак не победит пистолет.

– Случалось, – возразил генерал.

– Но не три пистолета.

– С этим соглашусь. Выслушайте мой ответ и уматывайте отсюда. Ответ, естественно, прежний – сабля не продается. Это наследственная реликвия, которая должна перейти от меня к моему сыну. И она перейдет к нему.

– Поздно, – сказал полковник. – Сабля уже у нас. Ни к вам, ни к вашему сыну она уже никогда не вернется. Она уже сегодня в другую страну улетит, и никогда никто ее больше в России не увидит. Ее и раньше видели немногие. А теперь не увидит никто.

Он наклонился, приподнял с дивана коврик и вытащил из-под него красивейшую саблю.

– Осталось только спросить вас, Иван Васильевич, где ножны. Эта сабля без ножен не имеет и половины своей цены…

– Украли, – засмеялся генерал, понимая, что против трех пистолетов он, даже имея великолепную боевую подготовку, бессилен что-то предпринять. – Не вы одни такие уроды. Позавчера еще. Прихожу домой, сабля на полу валяется, а ножны украли. Расстроился, конечно, да что сделаешь.

– Я серьезно спрашиваю. – Голос Ивана Александровича изменился.

– А я серьезно и отвечаю. Нет у меня больше ножен…

Полковник поднял клинок и провел им в воздухе. Он не делал рубящее движение, и даже клинком взмахнул не слишком резко, тем не менее воздух вокруг клинка вдруг слегка звеняще и с вибрациями «запел», как и полагается ему «петь» вокруг настоящего булата. И это создавало сабле какой-то ореол волшебства. Иван Александрович на этом не остановился, сначала пальцем потрогал лезвие, проверяя остроту, потом упер острие в пол и надавил ногой на середину клинка. Клинок легко изогнулся, показывая свою необычную гибкость.

– Порядочные люди гибкость проверяют не так. Они не оскорбляют клинок, наступая на него. Оскорблять булат опасно. Вы рискуете, товарищ полковник, от этого клинка и погибнуть.

Самойлов задумчиво отступил на шаг и вдруг взмахнул саблей резко и так, что острие прошло в нескольких сантиметрах от лица генерала.

– Не каркайте, товарищ генерал. Я человек суеверный.

– Я не каркаю, я предупреждаю. Это старинное поверье, и касается не только этого конкретного клинка, но любого булатного оружия. Общаться с ним разрешается только с уважением. Гибкость булата в старину проверяли иначе, без ноги. Показать как?

Иван Александрович усмехнулся.

– Это было бы интересно. Но, попади клинок вам в руки, вы, чего доброго, отрубите мне голову. А мне, честное слово, пока нравится, как она сидит на моих плечах.

Иван Васильевич усмехнулся:

– А вы не из храбрецов.

– Я из людей разумных, – возразил Самойлов. – И не трус. А показную храбрость не люблю. Поэтому всегда делаю только то, что необходимо, и оставляю геройство тем, кого гордыня съедает.

Чемпион мира зашевелился и медленно сел на полу. Помотрел вокруг очумело, ничего не соображая. И даже на потолок поглядывал, словно проверяя, не собирается ли обрушиться. С потолком, к недоумению чемпиона, все было в порядке. И это сильно удивляло, потому что сам момент удара он вспомнить не мог. Но встать на ноги чемпион не спешил.

Генерал удостоил здоровяка мимолетного взгляда, не считая, что тот достоин большего, и продолжал, обращаясь к Ивану Александровичу:

– Одна рука на рукоятке, вторая – на острие. Клинок кладется на голову и изгибается так, чтобы прижимался к ушам. Так не только сабли, но и мечи проверяли. Правда, для проверки меча не ваша сила нужна. С ним справлялись только руки воина и рыцаря. Это не по вашему адресу, хотя герб вашей службы, кажется, и носил щит и мечи.

– Это все романтика, а я человек не романтичный, – уже без прежней мягкости в интонациях произнес полковник. – Поэтому отвечаем четко и внятно: где ножны?

Встал на ноги чемпион мира по боям без правил. Помотал головой, едва выговаривая слова, спросил что-то на своем языке у одного из парней с пистолетом. Перелом челюсти у чемпиона, как показывал голос, был стопроцентным. Парень с пистолетом ответил. Чемпион мира еще раз головой помотал и встал за спиной Ивана Васильевича, которому в этой ситуации даже сдвинуться было некуда.

Прагматизм полковника все поставил на свои места. Арцыбашев понял, что его в любом случае постараются убить, иначе не наглели бы так. Поведение грабителей – наглядное подтверждение их намерений. В противном случае, они понимают, уйти далеко им не удастся. Тем более что полковника он знает. Но быть бычком, которого ведут на заклание, Иван Васильевич тоже не собирался. И потому просто ждал момента, когда незваные гости совершат ошибку.

Иван Александрович очень помог бы генералу, если бы положил саблю на диван, как собирался сначала. Одно движение, захват, прикрыться телом полковника, как щитом от пуль, и свободная рука успела бы вытащить пистолет Самойлова из подмышечной кобуры. Арцыбашев давно уже увидел рукоятку этого пистолета. Главное было в том, заслан ли патрон в патронник, потому что предохранитель можно успеть перевести в нижнее положение, а возможности

передернуть затвор генералу уже не дали бы. Но и сам Самойлов не подставился так и саблю не положил, а просто бросил, словно бы руки для какой-то цели освободил.

Хорошо было бы, попытайся Самойлов ударить генерала. Это смогло бы внести неразбериху в общие действия, и генерал сумел бы этим воспользоваться, чтобы провести стандартный прием айкидо с захватом запястья противника. Иван Васильевич даже ноги незаметно расставил чуть шире и мысленно подправил центр тяжести, чтобы отклониться от удара ровно настолько, насколько это необходимо для проведения захвата за запястье.

– Вот что я скажу тебе, холуй недоделанный… Можешь передать своему хозяину, что ножны он никогда не получит. Я сам прочитал, что можно прочитать на клинке с ножнами, и потому, чтобы никто другой это прочитать не сумел, ножны уничтожил…

– Не надо было вам, товарищ генерал, обзывать меня. Я никогда в холуях не ходил…

– Холуем был при коммунистах, холуем и при бандитах подохнешь. Жалко только, мучиться долго не будешь…

Иван Александрович даже обиделся на такие слова. Видно, всегда мечтал помучиться.

– Почему не буду?

– Потому что клинок этот тебе голову снесет, а без головы люди долго не мучаются…

– Должен вас расстроить, – Самойлов чего-то откровенно испугался. – Ваша голова слетит раньше.

– Не ты ли это сделаешь? Попробуй.

Чемпион мира за спиной сильно мешал, отвлекая внимание. Если он будет бить всей своей тяжестью, мало не покажется. И потому приходилось

прислушиваться к каждому шевелению за плечом. И внимательно всматриваться в лицо полковника. Это лицо должно было показать угрозу, идущую сзади. Но лицо отражало только ярость. Самойлов в самом деле вдруг попытался ударить генерала. Но бить он не умел. Размах был заметным, и удар корявым. Но именно такой удар и нужен был Ивану Васильевичу. Генерал отодвинул на полшага ногу и сместил корпус, сохраняя собственную устойчивость, дав возможность кулаку полковника пройти мимо; а рука генерала уже захватила бьющего за запястье. Пришлось при этом даже придержать его. Остальное генерал выполнил быстро и четко.

Поворот кисти изогнул Самойлова, развернул вокруг оси, подставил к генералу сначала боком, что дало возможность выхватить пистолет; потом еще один легкий доворот кисти, и Иван Александрович грудью встал на защиту генерала. А Иван Васильевич большим пальцем привычно опустил предохранитель на «ПМ»[3 - «ПМ» – пистолет Макарова.] и сразу нажал на спусковой крючок, стреляя в ближнего, что уже поднял и наставил на полковника свой пистолет. Но спусковой крючок проваливался мягко и без усилия – патрона в патроннике не было, и не было времени и возможности передернуть затвор, чтобы привести оружие в боевое положение…

В это время среагировал наконец-то чемпион мира и с рыком прыгнул на генерала сбоку. Удар был смазанным, и неизвестно, кому досталось больше, генералу или полковнику. Но тут же и другие, раздумав стрелять, набросились на Арцыбашева, и удары на генеральскую голову посыпались со всех сторон одновременно.

Иван Васильевич упал, еще не потеряв сознания, и пытался защититься от ударов. Его начали избивать ногами с разных сторон, и здесь уже защититься было невозможно. И только когда Арцыбашев перестал закрываться, понимая, что это бесполезно, полковник сказал:

– Перекур, ребята. Мне еще спросить надо. В последний раз.

Генерал был еще в сознании, но смотреть мог только одним глазом. Второй был, кажется, выбит. И он смотрел строго и прямо на своих убийц.

Иван Александрович взял в руки саблю и подставил острие к глазу.

– Значит, ножны ты уничтожил…

– Да, холуй. Уничтожил. И твой хозяин никогда не прочтет надпись.

Голос был хриплый, но спокойный, даже насмешливый. И совсем без злости, зачем расходовать энергию впустую.

– Ты тоже уже ничего не прочтешь. – Самойлов надавил на рукоятку – острие клинка вошло в глаз, и полковник сразу после этого, словно испугавшись сделанного, резко обернулся к своим: – Добейте его…

И снова ноги пришли в движение. И только перед выходом из квартиры, когда генерал уже не шевелился, Самойлов вернулся из прихожей, решив на всякий случай прощупать пульс на горле. И уловил едва заметную пульсацию в сонной артерии.

– Даже убить не можете, помощнички…

И резким ударом сабли перерубил генеральское горло. После этого снял покрывало с кресла, завернул в него саблю, чтобы не идти по улице с окровавленным оружием в руках.

* * *

Уходили они через чердак, заранее открытый. Прошли до выхода в самый крайний подъезд дома, около которого оставили машину – семиместный «Лендровер Дискавери».

Рядом с дверьми стояли две пожилые женщины, разговаривали. Одна из них держала на поводке мелкую беспородную собачку, которая постоянно рвалась побегать и тем тревожила хозяйку. Но хозяйка считала, что собачка может подождать, а разговор с соседкой откладывать не хотелось.

Рядом с домом было все спокойно. Убедившись в этом, полковник стал аккуратно укладывать саблю в длинную, подходящую под размер картонную коробку…

Часть I

Глава первая

1

Возвращение Василию Ивановичу вообще не запомнилось. Полный провал в памяти, превратившейся в какой-то хаотичный наплыв не связанных друг с другом картинок. Состояние полной прострации самому старшему лейтенанту казалось странным, но он, углубившись в него, никак не мог вернуть свои мысли.

Возвращались вместе с женой. Какой это был поезд, вагон – плацкартный или купейный, он вообще не мог вспомнить, словно его везли багажом. И хотя Василий Иванович не засыпал, кажется, ни на минуту, одновременно и не просыпался полностью. И все не мог прийти в себя. Не помнил того, что Людмила, жена, постель ему стелила и укладывала, как маленького. Одеяло под голову подсовывала, чтобы из окна не дуло, потому что после прошлогодней контузии у него часто болела шея. А он лежал с открытыми глазами и смотрел куда-то перед собой, ничего не видя. И не разговаривал. Это последнее вообще было для Людмилы совсем уж непривычно, потому что муж был всегда легким по характеру и даже иногда слегка утомлял ее своими шутками. А в этот раз он был сам не свой.

Но Людмила понимала, какой удар получил муж.

Отца хоронили с воинскими почестями, но в закрытом гробу, чтобы не видно было изуродованное лицо, которое никаким гримом не смогли привести в нормальное состояние, хотя первоначально пытались это сделать: перерезанное горло было зашито очень грубо. Смерть эта была для Василия Ивановича потому еще сильным ударом, что месяца не прошло, как он вместе с отцом похоронил мать, никогда ничем не болевшую, не жаловавшуюся ни на что и «сгоревшую» за одну неделю от отказа обеих почек. Отец тяжело переживал потерю жены и сказал сыну, что хочет выйти в отставку и уехать в деревню. Но не успел, хотя начал оформлять уже документы. Его, боевого генерала спецназа внутренних

войск, убили дома. И не просто убили, а изуродовали до неузнаваемости. Наверное, били очень долго, хотя никто из соседей не слышал ни шума, ни криков, ни стонов. Но Иван Васильевич Арцыбашев был не тем человеком, который допускал жалость к себе. И за себя постоять всегда мог, несмотря на солидный возраст. Даже сын, чемпион Вооруженных сил по рукопашному бою, гипотетически размышляя, не был уверен в том, что сумел бы победить своего отца в схватке, доведись им попробовать свои силы друг на друге. Но кто-то нашелся.

Можно было подумать, что из отца выбивали какие-то сведения. Пытали. Иначе трудно объяснить такие побои. Но тогда, как говорили следователи, в квартире были бы заметны и следы обыска. Однако все было на месте, кроме старинной сабли, всегда висевшей на стене. Только эту саблю и забрали. Конечно, она одна стоила как хорошая иномарка – черная хорасанская[4 - Хорасанская сталь – на средневековом Востоке лучшие булатные клинки делались в Дамаске и в Хорасане, развитом ремесленном городе на севере средневековой Персии, где основное население составляли курды. Курдская знать была вооружена именно таким оружием и разнесла славу о нем по всей Европе благодаря крестоносцам, которые так и не смогли победить султана Саладина (Салах-ад-Дина), курда по национальности. В сражениях сабли курдов рассекали европейскую броню, как бумажную. Английский король Ричард I (Ричард Львиное Сердце) пытался заманить к себе всяческими посылами хорасанских оружейников, однако это ему не удалось. Каких-то оружейников сумел вывезти в Европу герцог Болдуин, предок нынешней династии бельгийских королей, однако они или не захотели, или не сумели выплавить булат в Европе. Тайна изготовления хорасанской стали так и осталась тайной.] сталь с золотой насечкой и позолоченной рукояткой, усыпанной драгоценными камнями. К тому же имеющая несомненную историческую ценность уникальная вещь. Но не за саблей же пришли убийцы! Ее можно было украсть, когда отца дома не было, и все. Воры и убийцы, как правило, разные люди… Однако даже следов на замке домашнего сейфа, говорящих о попытке взлома, не было. Ключ от сейфа остался у отца в кармане на одной связке с домашними ключами, ключами от кабинета и служебного сейфа, с металлической печатью, которой кабинет и служебный сейф опечатывались при уходе. Шинель на вешалке, нетронутая. А в сейфе, который убийцы не пожелали открыть, было более двухсот тысяч рублей, припасенных отцом неизвестно на какие нужды. Со счета в банке он эти деньги снял неделю назад, как уже выяснило следствие, но воспользоваться не успел.

Следователи следственного комитета при военной прокуратуре федерального округа – а именно им военная прокуратура поручила заняться расследованием, –

исходя из того, что убитый был генералом, убийство посчитали весьма загадочным. Юрий Михайлович, руководитель следственной бригады, сказал, что загадочные убийства раскрываются чаще и проще, чем случайные и спонтанные. И потому, разговаривая с сыном убитого, следователи были уверены в своих силах и надеялись на быстрый успех, сразу и безоговорочно объявляя основным мотивом преступления профессиональную деятельность генерала. Здесь уже можно было покопаться и что-то отыскать.

Сразу подозревалось, что у одного из убийц должна быть сломана, видимо, челюсть. Согласно данным судебно-медицинской экспертизы, у генерала Арцыбашева были сломаны два пальца правой руки – указательный и средний, в замыкающих кулак суставах. Но переломы были без смещения в других суставах пальцев. Обычно такие повреждения бывают при очень сильном и резком ударе и, как правило, при ударе в челюсть. Причем перелом был получен при жизни, но, видимо, незадолго перед смертью, поскольку генерал уходил со службы со здоровой рукой. Предположение о том, что пальцы были сломаны, когда генерал пытался защитить руками лицо, в которое наносились удары ногами, судмедэкспертиза отмела, поскольку в других местах на руках были ссадины от обуви, а в месте перелома таких ссадин не было. По этому поводу были опрошены врачи всех травмпунктов города. Но с переломом челюсти никто в этот день не обращался. На следующий день после убийства обращение с переломом челюсти было зарегистрировано. Но обратился спортсмен, представитель боев без правил, чемпион мира, которому нанесли травму на тренировке. Однако поиск продолжался.

Впрочем, сам Василий Иванович, старший лейтенант спецназа ГРУ, вроде бы и слушал, что ему говорят, но едва ли что-то слышал и уж подавно не мог анализировать сказанное. Но рядом стояла Людмила. Она слушала и кивала. А он в прострации находился, словно жил мыслями в другом измерении, и никак не реагировал на происходящее. И даже на простые уточняющие вопросы отвечал не сразу, с трудом заставляя себя сосредоточиться на необходимости думать и говорить. Может, так сработала способность подсознания к самозащите, стараясь смягчить случившееся, растягивая осознание непоправимой потери. По крайней мере, так определила для себя Людмила, работавшая психологом реабилитационного центра. А она свое дело знала. И не мешала мужу за своим подсознанием, как за ширмой, прятаться. Знала, что потом, выйдя из этого трансового состояния, Василий Иванович будет у нее многое переспрашивать, и потому старалась все запомнить, чтобы потом успокоить… Она всегда чувствовала себя старшей и ответственной за него. Впрочем, она и была на шесть лет старше мужа…

* * *

– Такси! Такси! Дешево!

Не обманешь – не продашь. Так зазывалы преспокойно привирали, поигрывая ключами от машин. Таксисты у вокзала уж очень напоминали торгашей с базара, с той же интонацией кричавших: «Персики! Персики! Недорого».

К приезду единственного за день поезда у вокзала всегда собиралось таксистов не меньше, чем пассажиров. Поэтому, когда Людмила взяла Василия Ивановича за локоть, останавливая, к ним бросилось сразу несколько человек, желающих выхватить сумки из рук старшего лейтенанта. А он, словно и не понимал ничего, стоял и смотрел вперед.

– Товарищ старший лейтенант! – услышала Людмила.

И только после этого увидела, как к ним спешит сержант, водитель штабной машины. Его, кажется, звали Володей, а фамилию она никогда и не знала.

– Пойдем, – потянула Людмила мужа. – За нами приехали.

Таксисты с неприязнью оглянулись на конкурента.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, – сержант, оказавшись рядом, вальяжно козырнул, хорошо осознавая вольности, которые может себе позволить штабной водитель.

Штабной «уазик» стоял с включенным двигателем, и в салоне было тепло, несмотря на то что на улице стоял мороз. В машину уселись быстро, устроив тяжелые сумки на заднем сиденье рядом со старшим лейтенантом, и сразу поехали. Но на выезде с привокзальной площади, огороженной трубчатым парапетом, какой-то человек неопределенных лет встал посреди дороги и замахал рукой, останавливая машину. Володя коротко глянул на старшего лейтенанта через плечо, а Людмила, устроившаяся на переднем пассажирском сиденье, приказала, как умеют приказывать только офицерские жены, вполне безапелляционно:

– Остановись. Может, к нам?

Она сама дверцу открыла, чтобы услышать, что тот скажет.

– В бригаду? – поинтересовался тот. – Здравствуйте.

– Здравствуйте. В бригаду.

– Возьмете?

– Садитесь, – она кивнула на заднюю дверцу.

Василий Иванович начал постепенно приходить в себя, потому что без напоминания отодвинулся, освобождая место для нового пассажира. Попутчик быстро сел, устроив на коленях свою небольшую сумку.

Ехали молча до самого КПП, где сержант остановился и оглянулся на пассажира:

– Вам сюда?

– В штаб.

– Значит, сюда. Нам дальше – в ДОС[5 - ДОС – дома офицерского состава. Как правило, небольшие поселки внутри расположения части или рядом с ней, где проживают офицеры и служащие с семьями.].

Пассажир вышел, но дверцу сразу не захлопнул, а оглянулся на старшего лейтенанта и уточняюще спросил:

– Если не ошибаюсь, старший лейтенант Арцыбашев?

– Так точно, – сдержанно ответил Василий Иванович, носом, видимо, чувствуя старшего по званию.

– Я по вашу душу, можно сказать, приехал. Подполковник Елизаров, Федеральная служба безопасности. Ну да завтра встретимся, поговорим.

Подполковник улыбнулся, но узкие глаза его при этом оставались ледяными.

– Так точно, – невнятно повторил старший лейтенант, и дверца захлопнулась.

– Кто это? – спросила Людмила.

– Так, никто, – безразлично ответил Василий Иванович.

Больше он ничего и сказать не мог.

* * *

Командир роты капитан Твердовский загодя прислал солдата, чтобы тот протопил дом. Вообще-то в щитовых двухквартирных домиках ДОСа центральное отопление было, но в эту зиму, как случалось и раньше, возникли какие-то перебои с углем для котельной, и потому все по старинке пользовались печками.

Приняв на себя естественное для домашних условий командование и отпустив солдата, Людмила, не раздеваясь, потрогала руками печку – та была уже горячая, хотя дом полностью еще не прогрелся. После этого посмотрела на мужа, пытаясь определить его дееспособность. Он разделся и упал в кресло перед выключенным телевизором, снова погрузившись в свои мысли, но она была уверена, что спроси сейчас, о чем он думает, он и не смог бы ответить. В таком состоянии люди не могут сконцентрироваться на чем-то конкретном. Посттравматический синдром порой бывает затяжным, но Людмила Арцыбашева хорошо знала и то, что чем более затяжным он бывает, тем меньше последствий в себе несет. И не заставляла мужа проявлять активность. Знала, что он сам очнется от стрессового полусна и сделает что необходимо. Управлять собой Арцыбашев-младший умел, как всякий офицер спецназа ГРУ. Служба такая, что требует психической устойчивости.

– Я за детьми схожу, а потом приготовлю что-нибудь. Посиди пока, отдохни.

Детей, трехлетнего сына и четырехлетнюю дочь, с собой на похороны они брать не стали, оставив у подруги Людмилы. Дети любили дедушку, и не хотелось им

даже говорить о происшедшем. Пройдет время, как-то мягко можно будет им рассказать. И они решили подождать с объяснениями, пока дети немного не подрастут. Все-таки дедушка далеко жил, и не каждый день они с ним встречались. Потому детей оставили в чужих руках, благо руки – добрые и надежные – были. Однако это случалось уже не в первый раз, и потому волноваться особо не стоило – с детьми и в чужом доме все должно быть в порядке. Тем не менее нагружать подругу лишней заботой тоже не хотелось, и потому Людмила поспешила за детьми. Идти было недалеко, можно за десять минут в оба конца управиться вместе с одеванием детей. Да еще плюс минут десять на поболтать с подругой, которая без удовлетворения своего любопытства Людмилу, конечно, не отпустит.

Так она и ушла, не дождавшись ответа от мужа и неуверенная, слышал он ее или нет.

Василий Иванович так и сидел в кресле, опустив голову и глядя перед собой, когда, почти сразу после ухода жены, раздался звонок в дверь. Вставать и идти открывать не хотелось, тем более что дверь она наверняка, как обычно, оставила открытой. А кричать, чтобы зашли, хотелось еще меньше, чем вставать. И потому старший лейтенант, помедлив несколько секунд, пошел к двери, встречать гостей.

За дверью стоял гость, хоть и незваный, тем не менее «свой». Более того, командир, сослуживец и друг, которому не хотелось говорить, что он пришел не вовремя, потому что друзья всегда приходят вовремя. Только самому хозяину это не сразу становится понятно. И потому, открыв дверь, Арцыбашев отступил на шаг, освобождая проход.

– Привет, Василий Иваныч, – сказал капитан Твердовский, командир роты, перешагивая через порог.

Капитан был в спортивном костюме, на который набросил дубленку, и без шапки.

– Я смотрю, свет зажегся. Вернулись, значит. Дай, думаю, загляну.

– Заходи, Дмитрий Евгеньевич. Только я не в духе, сам понимаешь. Извини уж.

Твердовский хорошо это понимал и потому сразу вытащил из кармана дубленки бутылку водки и протянул старшему лейтенанту:

– Давай? Расслабит…

– Пробовал. Не помогает. Вообще до головы не доходит. Как воду пью.

Тем не менее Василий Иванович сразу прошел на кухню. Кухня была в доме угловой, и потому там всегда зимой было заметно холоднее, чем в других комнатах, – даже тогда, когда отопление шло из котельной. Но холода, когда нет ветра, офицеры боялись мало.

– Похозяйничай, а то у меня руки подрагивают, – сказал Арцыбашев и поставил бутылку на стол.

Руки у него в действительности не дрожали, но он не стал объяснять свое состояние полностью, потому что и себе объяснить его не мог, хотя мог бы сказать, что от усталости даже плечи болели, будто несколько дней не переставая мешки таскал – так все болело. И, чтобы совершить любое движение, приходилось себя заставлять. Но и объяснять подобное состояние не надо было, потому что Дмитрий Евгеньевич и сам все это понимал. Он не пошел в комнату доставать из серванта рюмки, а вытащил из кухонного навесного шкафа два стакана, поочередно дунул в каждый, словно сполоснул, и поставил на стол. А из второго кармана дубленки вытащил целлофановый пакет с куском копченого сала собственного приготовления, взял четвертинку буханки хлеба и тут же нарезал закуску. Выпили, помянули, не чокаясь, и после этого капитан, глядя на понурую голову старшего лейтенанта, сказал:

– Не рассказывай ничего. Давай сразу по второй.

Когда вернулась Людмила, бутылка была уже пустой и стояла под раковиной рядом с мусорным ведром. А мужчины сидели молча, каждый погруженный в собственные мысли. Со стороны казалось, что они друг друга понимают и поддерживают, хотя поддержка нужна была только одному из них.

* * *

– Подполковник Елизаров из ФСБ – это кто такой? – спросил наконец Василий Иванович.

– Из ФСБ? – переспросил Твердовский. – Это особист, что ли?

– Нет, особист, кажется, Евсеев, а этот Елизаров.

– Тогда не знаю. Я и с Евсеевым-то только здороваюсь, а разговаривать – ни разу не разговаривал. Не люблю я эту ихнюю братию. А кто такой?

Василий Иванович объяснил. Людмила молча слушала. Со стороны выглядело, что тот ничего вокруг не видит и не воспринимает, а он все запомнил. Значит, из стресса уже наполовину вышел.

– И не сказал, что ему от тебя нужно?

– Ничего не сказал.

– Не понравился он мне, – заметила Людмила, включаясь в разговор. – Лицо злое. Холеный уж очень. На комсомольского функционера из недалекого прошлого похож. Или на депутата. Из молодых и борзых. Я таким никогда не верю.

– Да, мне лицо тоже не понравилось, – согласился Василий Иванович. – Слизняк какой-то. И улыбается, как удав кролику.

– Служба такая, – философски рассудил командир роты и вместе с Людмилой встал на звонок в дверь. – Никак мой Бич Божий за мной пожаловал. Я открою.

Капитан знал за своей женой привычку отправляться на поиски мужа, если тот вышел из дома с бутылкой. А дома не пил принципиально. Кого Дмитрий Евгеньевич звал Бичом Божьим, знали все. Знали еще, что тещу капитан вежливо величает Мамашей Крюгер. Она долго не понимала, что это может означать, пока соседка не принесла ей видеозапись фильма-ужастика «Дом на улице Вязов». Разборку в тот вечер слышала вся улица. Но к голосу Мамаши Крюгер в ДОСе привыкли, и это не казалось чем-то из ряда вон.

Оказалось, в этот раз Дмитрий Евгеньевич ошибся. Он вернулся первым, но слышно было, как в прихожей кто-то разувается.

– Валерий Валерьевич хочет мое сало попробовать, – сказал Твердовский, замысловато представив нового гостя.

После этих слов в кухню вошел начальник штаба бригады подполковник Совкунов и поставил на стол свою бутылку с водкой.

– Сообщили мне, что ты, Василий Иванович, вернулся. Решил заглянуть, проведать.

– Не спейтесь, господа офицеры, – сказала, вставая, Людмила. – Только попрошу всех вместе с салом и тарой перебраться в комнату. Мне детей кормить пора… Ванюшка сегодня в обед есть не стал, и Манюша без нас плохо ела.

И посмотрела на мужа, как рефери на ринге, словно проверяла его состояние после полученного удара.

* * *

– Вообще-то я по делу, – сказал подполковник Совкунов после того, как выпили по первой. – Думал, ты один сидишь.

– Я не мешаю? – спросил Твердовский. – Могу уйти. Все равно моя половина вот-вот прибежит.

– Посиди, Дмитрий Евгеньевич, пока, – сказал Валерий Валерьевич. – Дело тебя тоже касается.

Капитан со старшим лейтенантом ждали, что скажет начальник штаба, а тот почти минуту думал, собираясь с мыслями.

– Вот, Дмитрий Евгеньевич, первый вопрос к тебе: сможешь ты найти Василию Ивановичу временную замену?

– На какое время? – настороженно спросил Твердовский. – От этого все зависит. Вообще-то взвод у него сильный, подготовлен хорошо, если ненадолго, то кого-то поставить можно.

– Неизвестно, насколько, – хмуро сказал подполковник. – Командировка, возможно.

– Это связано с подполковником Елизаровым? – спросил напрямую старший лейтенант.

Совкунов быстро и настороженно взглянул в глаза Василию Ивановичу и кивнул:

– Да. Он говорил, что вы подвезли его.

– А что вообще ФСБ от нас нужно? – поинтересовался капитан, не пытаясь скрыть своего недовольства.

– Ничего особенного: они всего-то навсего просят временно откомандировать к ним старшего лейтенанта Арцыбашева для помощи при расследовании обстоятельств убийства генерала Арцыбашева.

Василий Иванович покраснел и взялся за бутылку, чтобы разлить водку по стаканам.

– Авторский вариант, – сказал Твердовский.

– Что? – не понял подполковник.

– Я говорю, что это решить может только сам Василий Иваныч. С вашего, естественно, согласия. Я в этом деле даже советовать ничего не буду.

– И правильно, – согласился Совкунов. – А посоветовать здесь нечего, поскольку все завтра объяснит сам подполковник Елизаров. Я просто заглянул, предупредить – будь, Василий Иванович, готов к беседе.

– Я постараюсь, товарищ подполковник, – ответил Арцыбашев.

– С утра, будь любезен, ко мне. И еще подумай об одном. Судя по вопросам Елизарова относительно твоей способности к работе в одиночестве, на нелегальном положении и без прикрытия, они, видимо, хотят использовать тебя таким образом. Меня такие запросы сильно смущают… Подумай хорошенько.

– А что такого особенного должно меня смутить?

– То, что раньше в ФСБ о своей работе не докладывался.

Людмила, слыша, о чем разговор, выглянула с кухни и взглянула на мужа. Как всякая нормальная жена, она считала себя ангелом-хранителем своей половины и была уверена, что никто, кроме нее, не в состоянии понять, на что Василий Иванович способен, а для чего его просторные плечи явно не приспособлены.

2

Всю ночь валил снег, и прекращаться, кажется, не собирался, поскольку небо со всех сторон, куда ни посмотри, было затянуто низкими серыми тучами. Большие тяжелые хлопья сыпались с неба. Это предвещало значительное потепление, как всегда бывает при сильном снегопаде. После нескольких морозных недель потепление было вполне уместным и воспринималось с облегчением.

На службу Василий Иванович, как всегда, пошел один. Жена сначала детей в детский сад провожала и только после этого отправлялась к себе в реабилитационный центр. Там проходили восстановительный курс не только солдаты и офицеры их бригады, но и из других бригад.

Василию Ивановичу предстояло идти в другую сторону, поскольку обычно он пользовался боковой проходной, расположенной неподалеку от казарм. А утро каждого командира взвода начиналось, естественно, с посещения казармы, где взвод располагался. Дежурный по роте, встретив Арцыбашева на лестнице, не позволил старшему лейтенанту повидаться со своими солдатами и сразу развернул его:

– Товарищ старший лейтенант, подполковник Совкунов требовал вас к себе, как только появитесь. Что-то срочное.

– С командиром роты?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант. Капитана к начальнику боевой подготовки бригады вызвали. Он уже ушел.

Пришлось разворачиваться и идти в штаб заснеженной за ночь тропой через полосу препятствий – самым коротким путем. Где-то за углом штабного корпуса, в районе крыльца, остервенело лаял Товарищ Старший Прапорщик Черноносенко, из чего Арцыбашев сделал естественный вывод. Любимец спецназовцев, чистокровный дворовый пес с такой длинной, членораздельно и отчетливо произносимой кличкой, полный тезка некогда служившего в бригаде старшего прапорщика Черноносенко, был добрейшим на свете существом. Но признавал только людей в форме, а всех, кто ходил в гражданском, облаивал с полной ответственностью. Но если служащих бригады, которых Товарищ Старший Прапорщик Черноносенко прекрасно знал, пес облаивал только слегка и лениво, то любого постороннего, кто появлялся, он воспринимал как злостного нарушителя границы и угрозу каждому, носящему воинскую форму. Сам пес был средних размеров, но имел несуразно большую голову с широченной пастью, и это людей, не знающих его добрый нрав, пугало. Так же Товарищ Старший Прапорщик Черноносенко пугал кого-то и в этот раз. Вывод старшего лейтенанта был прост: в штаб только что прошел подполковник Елизаров. И уже, должно быть, подготовился к встрече.

Майор Крикалев из оперативного отдела, дежурный по штабу, поздоровавшись, тоже поторопил:

– Валерий Валерьевич уже дважды спрашивал. Просил подогнать.

– Он один?

– Нет. Кто-то там в гражданском. Мордатый такой. Глаза как у устрицы.

– Елизаров? Из ФСБ?

– Не знаю, кто, – майор Крикалев пожал плечами. – Может, и из ФСБ. Если арестовывать тебя приехал, поторопись, а то, чего доброго, не дождется.

– Бегу, – ответил старший лейтенант штабному майору и в самом деле двинулся по лестнице через ступеньку, впрочем, торопился он только до поворота лестницы, дальше стал подниматься нормально.

Расслабленность, если не сказать растерянность прошедших нескольких дней Арцыбашев сумел преодолеть, как умел преодолевать и физическую усталость. И хотя отошел от своего вчерашнего ступора, но еще не мог быть легким и беззаботным после убийства отца. Сейчас его брови хмурились, словно обрели непонятную тяжесть, и взгляд стал менее подвижным. Да и сам Василий Иванович чувствовал, что вернуться к себе прежнему вряд ли удастся. И когда время сможет примирить его с происшедшим – было неизвестно.

Подполковник Совкунов как раз заказал из столовой чай на себя и на гостя, и старший лейтенант Арцыбашев вошел в кабинет вместе с официанткой, которую догнал в коридоре.

– Еще чай, Валентина, – попросил Валерий Валерьевич. – Присаживайся, Василий Иванович, поближе к подполковнику Елизарову. Михаил Афанасьевич тебя заждался…

Старший лейтенант посмотрел на часы. Официально служебное время начиналось у него только через пять минут, хотя в армии служебное время нормированным по большому счету не бывает. Совкунов это движение заметил, но никак не отреагировал, уверенный, что офицеры должны приходить на службу никак не позже начальника штаба.

Василий Иванович, как и положено младшему офицеру, аккуратно и прямо сел за стол против подполковника Елизарова. Тот посмотрел на старшего лейтенанта поверх очков, потом на официантку, расставляющую на стол стаканы в подстаканниках и печенье в блюдечках, и задал отвлеченный вопрос:

– Вас, Василий Иванович, с какого времени начали по имени-отчеству звать?

– В детском саду еще, – невесело улыбнулся старший лейтенант. – Сначала воспитатели, оттуда во двор перешло, со двора – в школу. Как-то так повелось, что даже учителя – с улыбкой, конечно, но…

– Бывает и так. Мы это называем остаточным явлением… Вообще-то по возрасту вы уже вышли из анекдотов про Чапаева, – заметил Михаил Афанасьевич. – Тем не менее традиции остались у людей старшего поколения, у которых знакомое отчество вызывало только такую ассоциацию.

– А что, анекдоты имеют временной период? – спросил подполковник Совкунов.

– Как правило, политические, – пояснил Елизаров. – Еще в конце пятидесятых годов в ЦРУ был центр, где эти анекдоты кропали. Направление очевидное – полить грязью чересчур патриотический настрой советского человека. Неуважение к своим героям и вождям, которых выставляли питекантропами. Начали тогда с Ленина, Сталина и Хрущева. Потом уже и на героев перешли. А анекдот ведь запоминается лучше, чем пересказ событий. Потому и неудивительно, что люди, помнившие, кто такой Василий Иванович Чапаев, да еще и старый фильм, не могли удержаться.

– Да, помню еще анекдоты про Штирлица, – сказал подполковник Совкунов. – А почему наши не сделали «ответный подарок» – про Рэмбо, например?

– Чтобы создать аналогичный центр при КГБ и получить финансирование, требовалось кому-то набраться храбрости и пойти сначала к Хрущеву, потом – к Брежневу и показать хотя бы несколько десятков анекдотов для ознакомления. А такого храбреца не нашлось. Наши генеральные секретари не страдали от переизбытка юмора, и никто не рискнул здоровьем соваться с предложениями.

Официантка вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Ну-с, приступим к нашим делам, – сказал Михаил Афанасьевич и придвинул к себе лежащую чуть в стороне кожаную потертую папку, которую, впрочем, не раскрыл, и посмотрел на начальника штаба бригады.

– А я, – сказал подполковник Совкунов, – свой чай оставляю в наследство старшему лейтенанту Арцыбашеву, а тот, что для него заказал, попью в оперативном отделе. Я прикажу дежурному, чтобы телефон туда переключил, чтобы вам не мешать.

И Валерий Валерьевич вышел, оставив молодого офицера спецназа ГРУ для беседы с подполковником Федеральной службы безопасности.

* * *

– Я дважды участвовал с Иваном Васильевичем в операциях, – сказал вдруг подполковник Елизаров, казалось бы, совсем не к месту вспомнив убитого генерала. – На Северном Кавказе – один раз в Дагестане, второй в Ингушетии. Правда, пересекались, главным образом, в работе с подразделениями, а не лично. Не в тех я чинах, как говорится, чтобы с генералами чай пить, особенно если это чай с коньяком. Ну, хоть с генеральским сыном попью, без коньяка.

Старший лейтенант Арцыбашев заметно напрягся, но старался держаться. В современных условиях спецназ внутренних войск изредка проводит с ФСБ совместные операции, как это делает и с теми и с другими спецназ ГРУ. Ничего удивительного в этом не было. Просто напоминание о службе отца, человека не просто сильного, а еще и прекрасно подготовленного в рукопашном бое, напомнило старшему лейтенанту, как он погиб. А подполковник Елизаров, сказав это, выдержал паузу, ожидая какого-то ответа, чтобы иметь возможность настроиться на правильный тон. Но попытка оказалась неудачной. Тогда Михаил Афанасьевич легонько похлопал по папке, привлекая к ней внимание, показывая, что ему есть чем заинтересовать Василия Ивановича. Но старший лейтенант и на это никак не отреагировал и продолжал ждать. Облегчать задачу Михаилу Афанасьевичу никто не собирался. Он понял, что проще сразу говорить напрямую, как привыкли ставить задачу в армии. Но сейчас конкретной задачи и не было, нужно лишь обсудить возможность сотрудничества. Так понимал ситуацию сам старший лейтенант и не горел желанием работать с ФСБ. Но, поскольку это должно касаться расследования гибели генерала Арцыбашева, внутренне согласился.

Убедившись, что попытки разговорить сына убитого ни к чему не привели, Елизаров спросил:

– Вам, кажется, уже доводилось в «автономке»[6 - Работать в «автономке» – то есть выполнять задание без официальной поддержки командования. В случае провала исполнитель несет ответственность сам, словно бы и не получал приказа.] работать? Без прикрытия?

Однако старший лейтенант оказался не так прост, как тому показалось, и сразу раскрываться не захотел.

– Я, конечно, товарищ подполковник, знаю, что такое «автономка», слышал. Что же касается моей службы, то все вопросы я попрошу относить к командованию бригады или вообще к командованию спецназа ГРУ. Я на такие вопросы отвечать не имею права даже в том случае, если вы обладаете следственными полномочиями. А у ФСБ, насколько мне известно, следственные полномочия отобрали и передали в следственный комитет при военной прокуратуре. Так, кажется? Сами понимаете, мы с вами люди военные и несем ответственность за сказанное…

Михаил Афанасьевич кивнул, улыбнулся своей ледяной улыбкой, оценив умение Арцыбашева-младшего определять суть тайных операций, но восторга не проявил.

– Мы, возможно, хотели бы предложить вам поработать в «автономке» по нашему заданию, – наконец-то сказал подполковник откровенно. – Ваше командование не возражает. Дело упирается только в ваше личное согласие.

– «Хотели бы предложить» или только «возможно, хотели бы»? – переспросил старший лейтенант. – Можно этот вопрос почетче прояснить?

– Прояснить можно. Дело в том, что для участия в запланированных мероприятиях вам необходимо будет кое-что вспомнить. От вашей памяти и будет зависеть ваше участие. Если вспомнить ничего не сможете, значит, и обсуждать нечего. Ну, и желание ваше необходимо – это, может быть, самое главное, поскольку обязать мы вас не можем, а ваше командование согласится только при этом условии.

Теперь кивнул уже Василий Иванович, не желая тратить слова на вопросы, которые фээсбэшник так и так прояснит, иначе и не стоило этот разговор заводить. Пусть выкладывает, что следует вспомнить и какие варианты могут возникнуть. Василий Иванович предполагал, что некоторые из них могут оказаться для него лично неприемлемыми.

Елизаров не заставил себя ждать и пояснил:

– У нас есть некоторые наработки по данному делу. Причем они были сделаны задолго до совершения убийства, и мы не предполагали, что дело так закончится. Впрочем, еще несколько месяцев назад мы предупреждали Ивана

Васильевича о необходимости быть осторожным. Он обещал, однако…

– Я слушаю вас, – прервал старший лейтенант, стараясь быстрее перейти к делу и избежать обсуждения деталей убийства.

– Вы знаете, что была похищена сабля?

– Да.

– Это самый ценный предмет в доме?

– Самый ценный, – согласился Арцыбашев-младший. – Правда, следователи на этом не зациклились, несмотря на мое предупреждение о ее возрасте и ценности. Они похищение сабли видят только каким-то штрихом или отвлекающим моментом. Но я могу допустить, что это не так.

– А историю самой сабли знаете? – Голос подполковника звучал слегка нравоучительно – так умудренный опытом оперативник беседует с зеленым сосунком. Именно так все выглядело со стороны, и это несколько раздражало Арцыбашева.

– Знаю лишь отдельные моменты, что это булатный клинок хорасанского изготовления, очень древний. Ему около тысячи лет, может, немного больше. Первым его хозяином был какой-то хан, убитый в поединке французским графом во времена крестовых походов. Оружие, согласно правилам поединков, перешло к победителю. Потомки графа берегли саблю как реликвию, но на протяжении веков ее несколько раз пытались украсть. Причем кражи всегда пытались совершить жители Востока, где сабля и была изготовлена. В Россию она попала в 1815 году после взятия Парижа. Нового владельца после событий на Сенатской площади в 1825 году сослали в Сибирь на рудники, где он и сгинул. Сабля перешла к сыну, который сначала хотел ее продать, и хорошо, что в то время не приехали покупатели с Востока. В конце концов сын декабриста вынужден был отдать ее за многочисленные долги. Сабля несколько раз меняла хозяев и позже, пока не попала в руки моего прадеда. И тоже была захвачена в бою, в Гражданскую войну, у офицера из армии Деникина. Сабля многих интересовала: какие-то люди, рассказывал отец, долго искали ее. В конце концов нашли и желали выкупить как свою семейную реликвию. Первое предложение поступило к моему деду, но не из-за границы, а откуда-то с Кавказа. Но сабля была когда-

то захвачена в бою и потом переходила из рук в руки чаще всего как военный трофей. Дед посчитал, что статус чужой реликвии сабля уже потеряла. Вернее, обрела новый статус, поскольку досталась очередному победителю. Сам он подозревал, что за реликвией еще что-то кроется – слишком уж велик был интерес и огромные суммы предлагались, – но не знал, что именно, и не смог узнать до своей смерти. Отец тоже не знал и пытался разобраться, но не успел.

– Да, это экспонат, за который многие музеи оружия и искусства не пожалели бы средств. Причем самые крупные музеи мира, не говоря уже о коллекционерах, которые с ума сходили от желания иметь эту саблю. Наверное, и самому Ивану Васильевичу многократно предлагали продать ее?

Подполковник ФСБ говорил бесстрастно. Его не слишком заинтересовала история перехода сабли из рук в руки. Его интересовало совсем другое.

– Много раз, – согласился Василий Иванович, не вникая в подробности, хотя собеседник наверняка именно подробности и хотел бы услышать. – Особенно в последние годы, когда у нас миллионеров развелось, как вшей. И такие желают иметь коллекции в дополнение к яхтам, футболистам и борзым собакам. Удивляет только, откуда у них информация появляется.

– Стоимость сабли знаете? – последовал следующий вопрос Михаила Афанасьевича.

– Не интересовался. Правда, слышал, что эта сабля из тех музейных экспонатов, которые невозможно оценить деньгами, отец говорил. Продажная стоимость, естественно, есть, но, помимо этого, существует еще и историческая, на несколько порядков выше. Я уже не говорю о том, что за росписью на клинке, возможно, имеется шифр, тогда цена может вырасти кратно.

– Вот именно. Такие экспонаты следует держать в сейфе под круглосуточной охраной, – с претензией к старшему лейтенанту сказал Михаил Афанасьевич.

– В квартире отца стояла сигнализация.

– Нет такой сигнализации, которую не мог бы отключить специалист, – сказал подполковник, словно сам был специалистом в этом вопросе.

– Согласен. Я сам демонстрировал это отцу, – почти равнодушно ответил старший лейтенант, – чтобы он лучше понимал.

– То есть вы отключали сигнализацию? – удивился подполковник Елизаров, как-то сразу теряя свой ореол крупного специалиста.

Арцыбашев-младший согласно и скромно кивнул.

– Полностью не отключал, потому что некоторые современные системы, если не знаешь pin-кода, полностью отключить невозможно даже при перебоях в подаче питания. На этот случай там специально ставится блок электролитов и аккумулятор. Я просто заблокировал систему на внутренний контур и вошел в квартиру. Открыть замок проще, чем отключить сигнализацию.

– И что сказал на это товарищ генерал? – еще раз удивился подполковник.

Старший лейтенант сделанным, кажется, совсем не гордился.

– Сказал, что не все бандиты имеют квалификацию военного разведчика. Мои действия, таким образом, не произвели на него большого впечатления. Впрочем, после этого он показал мне систему корректного отключения и выдал экземпляр ключей с брелоком-пультом.

– А на вас, Василий Иванович, эта сабля производила впечатление? Хотели бы вы иметь ее в собственности? Не подумайте, что я вас подозреваю, боже упаси, просто интересно. Я вот ни разу ее не видел, и потому мне просто ужасно хочется хотя бы одним глазком взглянуть. Не каждый же день сталкиваешься с таким раритетом. Но иметь самому, честно скажу, не хотел бы. Слишком это дело хлопотное и опасное. А вы? Еще раз говорю, не подумайте, что подозреваю.

Дважды повторенное предупреждение как раз и говорило о том, что подобные мысли в голове подполковника шевелятся. Хотя подозревать сына в зверском убийстве отца было по меньшей мере оскорбительно. Но Арцыбашев-младший сделал вид, что пропустил это мимо ушей. Он был от природы человеком дела и понял коллегу верно. И ответил только на прямо поставленный вопрос:

– Я военный человек и потому не мог остаться равнодушным при виде такого совершенного оружия. Сабля разрезала кусок ткани, который клали на острие. Это одна из стандартных характеристик булатных клинков. Отец никогда ее не точил, наточить эту сталь было и невозможно. Для меня же никакая сабля не стоила его жизни.

– Естественно, – согласился подполковник настолько торопливо, что в искренность и этих его слов не верилось. – С подобным спорить никто не будет. Но нашлись отморозки, посчитавшие иначе. И их следует наказать.

– Заслуженное наказание назначается, насколько я понимаю, по приговору суда, – снова нахмурившись, перешел к делу Арцыбашев. – В таком случае зачем вам я?

Михаил Афанасьевич был рад, что разговор выходит все-таки на нужное направление.

Василий Иванович некоторое время смотрел в столешницу, формулируя то, что хотел сказать наиболее точно, чтобы не возникло непонимания и не появилась возможность обтекаемого ответа. А ответ он хотел получить предельно конкретный.

– Я не понимаю, какое отношение к следствию имеет работа в автономном режиме. «Автономка» по сути своей предполагает действия, которые не входят в законные рамки, по крайней мере их допускает. Иначе какой смысл?

– Самое непосредственное отношение. – Елизаров обернулся на дверь, словно проверял, нет ли в кабинете постороннего. – Дело в том, что нам известен заказчик похищения сабли. Он – главный обвиняемый. Но достать его мы не в состоянии, поскольку он скрылся за пределами России еще три месяца назад и возвращаться, судя по всему, не собирается. У следствия, не только у нас, но и у прокуратуры Москвы к этому человеку слишком много вопросов, чтобы он рискнул приехать.

– Московские дела меня тоже касаются?

– Трудно сказать. Могут коснуться, могут не коснуться. Мы вышли на этого человека и на его интерес к сабле генерала Арцыбашева в общем-то случайно. В

поле нашего зрения попал отставной полковник КГБ, как свидетель по одному не очень чистому делу. Установили наблюдение и много интересного по разным направлениям набрали, в том числе и по сабле.

– Полковник Самойлов? – спросил Василий Иванович.

– Вы его знаете?

– Отец называл это имя. Как-то запомнилось. Он интересовался саблей.

– Да, это полковник в отставке Иван Александрович Самойлов. Доверенное лицо и помощник по личным поручениям Алишера Алишеровича Нариманова. Слышали про такого?

– Нет, не слышал.

– Это бывший владелец одного из крупнейших рынков Москвы. Рынок не так давно снесли, китайцы, таджики и азербайджанцы разбрелись по другим местам. А сам Алишер Алишерович построил в Турции отель, каких не было еще на свете. Можно сказать, дворец с позолотой на лестницах и перилах. И постоянно проживает сейчас там, хотя время от времени появляется то в Баку, то в Душанбе. Он по национальности наполовину азербайджанец, наполовину таджик. И временами навещает родню. Ну, и дела какие-то, естественно, там имеет, и недвижимость, естественно.

– Что-то я, кажется, слышал в новостях.

– По телевизору об этом несколько передач было по центральным каналам.

– Да не смотрю я его. Только если новости и телеканал «Боец». А остальной мусор мне не нужен – ничего полезного я из этого электроприбора не извлекаю.

– Это вопрос личного выбора. Василий Иванович, давайте сейчас обсудим совместные действия. Итак, я вам объяснил, кто, согласно нашим данным, является заказчиком похищения сабли. Все исполнители нам неизвестны, но и здесь у нас есть подозрения.

– Полковник Самойлов?

– Полковник в отставке.

– И где он сейчас находится?

Глава вторая

1

За какие-то полчаса, пока шел разговор между старшим лейтенантом спецназа ГРУ Арцыбашевым и подполковником ФСБ Елизаровым, и служба, и сам начальник штаба, в кабинете которого они сейчас сидели, как-то отдалились от Василия Ивановича и стали казаться вчерашним днем, словно он уже здесь и не служил. А все мысли были направлены на главное. Михаил Афанасьевич такого ощущения, судя по всему, не испытал. Да и сам хозяин кабинета тоже из реальности, кажется, не выпал.

Вошел подполковник Совкунов, открыл сейф, вытащил тонкую папку, потом закрыл сейф и покопался в столе, отыскивая еще бумажку. Нашел, засунул в ту же папку, глянул на собеседников.

– Что, Валерий Валерьевич, микрофон сломался? – спросил Елизаров полушутливо, но все же с нотками подозрения в голосе.

– Нет, Михаил Афанасьевич, микрофон в порядке, – не смутившись, ответил Совкунов. – У нас техника не подводит, потому что обслуживаем регулярно. А вы что же про чай забыли?

– Заговорились, товарищ подполковник. – Арцыбашева позабавил ответ начальника штаба. – Мы, с вашего разрешения, сейчас выпьем.

– Остыл уже.

– Это не страшно.

– Заказать свежий?

– Да нет, не надо.

– Я тоже обойдусь, – согласился со старшим лейтенантом Елизаров. – Я вообще горячий не пью. Зубы почти все вставные, а от горячего чая, представляете, болят, как родные.

И он по-собачьи оскалился, показывая начальнику штаба бригады зубы.

– Как хотите. Продолжайте. И не буду мешать.

Валерий Валерьевич вышел, на прощание подбадривающее кивнув Арцыбашеву.

– На чем мы остановились? – спросил подполковник Елизаров.

– Я спросил, где сейчас находится Самойлов.

– А вот это мы сами хотели бы знать. Мы отслеживали его передвижения по sim-карте мобильника, но он, похоже, ее сменил. Старая у него застряла без движения в одной точке, и компьютер спутника говорит, что она не активирована. То есть находится в каком-то определенном месте без трубки. Это, я думаю, естественная мера предосторожности. Каждый опытный человек, которому есть что скрывать, к смене sim-карт прибегает часто. А отставной полковник Самойлов, несомненно, чрезвычайно осторожен. Просто так его не возьмешь. Он лишний раз не подставляется, десять раз проверит, чтобы сделать только один шаг.

– И вы предлагаете мне…

Подчеркивая важность момента, Михаил Афанасьевич сел предельно прямо и положил на столешницу перед собой обе ладони.

– Я предлагаю вам найти возможного убийцу вашего отца и, кроме того, предполагаемого заказчика убийства. Задача предельно ясная. А как ее

выполнять, нам следует думать вместе, поскольку выполнение такой простой задачи окажется достаточно сложным делом. Мы в этом деле берем на себя полное обеспечение информацией. Фактическая сторона дела остается за вами.

– Вы еще что-то говорили о том, что все зависит от свойств моей памяти, – к месту вспомнил старший лейтенант Арцыбашев.

Подполковник Елизаров согласно кивнул.

– К этому мы вернемся, а сейчас я еще кое-какой информацией вас загружу, чтобы потом вашу память проверить. Но для начала я все же обязан задать вам решающий вопрос. Вы даете согласие на сотрудничество? Если даете, то мы продолжаем разговор. Если у вас есть сомнения, то нам лучше вовремя остановиться.

Василий Иванович нахмурился.

– Мы уже слишком далеко зашли, чтобы отказываться. Вы назвали и убийцу и заказчика. Я полагаю, после этого у меня нет обратного пути. Обратный путь только один – действовать самостоятельно, без вашей поддержки, но тогда я имею возможность, грубо говоря, наломать дров. А мне не хотелось бы этого.

Подполковник улыбнулся улыбкой довольного крокодила и уточнил:

– Значит, согласны?

– Если не будет возражать мое командование, я согласен.

– Командование не возражает.

Подполковник Елизаров заметно расслабился.

– Тогда я сообщу вам некоторые факты, которые мы получили путем оперативных действий. При этом вы уже должны понимать, что начали «автономку»; кстати, и мы сами работаем в точно такой же «автономке». И «подписка о неразглашении», которую вы давали на своей службе, действительна и при сотрудничестве с нами.

– Это и ежику понятно, – вздохнул Арцыбашев.

– «Автономка», в нашем случае, предполагает работу методами, не всегда санкционированными органами, как вы понимаете. То есть, к примеру, если мы ведем прослушивание телефонных разговоров, то не спрашиваем на это санкцию. Если мы кого-то допрашиваем, и достаточно жестко, то за адвокатом не побежим. Беда в том, что добытые таким образом данные невозможно предъявлять суду, но мы к этому пока не стремимся. Это все вы, я думаю, и так знаете…

– Ну, это обычные методы работы военной разведки в условиях боевых действий. Я даже не знаю, когда и для чего требуется брать санкцию и когда необходимо предоставлять адвоката. Это не военное дело, и меня этому просто не обучали.

– Да. Это дело юристов. Кстати, я слышал, у вас в спецназе ГРУ офицеров чуть ли не обязуют в дополнение к военному получать гуманитарное гражданское образование?

– Рекомендуют.

– Вы можете поступить на юридический. В случае нашего удачного сотрудничества мы сможем помочь.

– Я скоро защищаю диплом. В университете на историческом.

– Вот как? Хорошо знаете историю?

– Хорошо ее никто не знает. Тем более историки. И меньше всех – профессора и авторы учебников по истории. Они страшно боятся выйти за рамки штампов и не желают верить, что наука только тогда развивается, когда ее «не стригут под один горшок». История, особенно древняя, всегда субъективна, потому что писалась под заказ определенных правителей. Профессура это знает, но признавать не хочет. Но не будем отвлекаться.

– Да. Значит, об «автономке» мы с вами поговорили. Методы работы вам понятны, и потому я могу прямо сказать, что мы знаем, где в настоящее время находится Алишер Алишерович Нариманов. Более того, мы знаем номер его

спутникового телефона и имеем возможность прослушивать его разговоры с помощью спутников управления космической разведки ГРУ – у нас, к сожалению, своей спутниковой системы пока в наличии не имеется. И вот нам попался интересный разговор, который вел Нариманов с неизвестным человеком. Сам Нариманов в это время находился в Таджикистане, а его собеседник ехал в машине по территории Казахстана. Это ваш спутник зафиксировал, полюбопытствуйте.

Михаил Афанасьевич открыл свою папку и вытащил лист распечатки. Посмотрел сам, потом перевернул и пододвинул ближе к старшему лейтенанту. Тот прочитал один раз, потом второй и предложил:

– Извините, товарищ подполковник, может быть, пересядем ближе к чаю?

Но сам отойти не спешил, наклонился, остановившись глазами на какой-то фразе из предоставленного ему документа.

Подполковник согласно кивнул и перебрался из-за большого стола для заседаний к журнальному столику. Там беседа могла проходить в менее формальных условиях, где старшему лейтенанту легче расслабиться. Но к чаю Михаил Афанасьевич пока не притронулся. Старший лейтенант вместе с листком распечатки занял соседнее кресло и сразу, чуть не одним глотком, не глядя, выпил чай из своего стакана. И заново перечитал распечатку разговора Нариманова с одним из своих людей.

– Это кто? – совладав с голосом, хрипло спросил Василий Иванович. – С кем он разговаривает?

– Этого мы пока не знаем. Возможно, человек из окружения Самойлова, кто-то из его подчиненных. Обратили внимание на одну тонкость?

– На вопрос Нариманова?

– Да.

– Я бы подумал, что Нариманов кому-то не доверяет и приставил говорящего за ним присматривать. Допустим, что речь идет именно о Самойлове.

– Мы тоже так подумали.

– Разговор на каком языке велся?

– Заметили, что это перевод? Да, переводчик у нас без литературных способностей. Переводил дословно. Разговаривали на азербайджанском; переводчик утверждает, что собеседник Нариманова говорил с дагестанским акцентом.

– Там все перемешалось.

– Кавказ – дело тонкое, – перефразировал подполковник киношный афоризм. – Но не это самое важное. Мы давно знаем, что бандитов и террористов в Дагестане спонсируют, в том числе и с территории Азербайджана, и потому все мафиозные структуры там связаны одна с другой. Главный вопрос относится к существу нашего дела, а не к личностям. Вы поняли, о чем идет речь?

– О товаре. Они везут товар – саблю, я полагаю.

– Мы передавали данные таможенникам и пограничникам Казахстана. Они проводили досмотр чуть ли не всех проходящих через границу машин. Саблю обнаружить не удалось. К сожалению, погодные условия не позволили спутнику рассмотреть машину в режиме онлайн, и этой информации пограничникам не хватило… Они не знали, какую машину обыскивать. Но я о другом. В товаре, как вы прочитали, недостача.

– Не хватает ножен. Человек говорит, что ножны украли. Со слов отца.

Старшему лейтенанту трудно было говорить об отце, в горле стоял ком, мешающий говорить.

– Да. И потому вопрос к вам. Сабля, когда вы ее последний раз видели, была уже без ножен? Ножны действительно украли?

– Сколько видел ее, всегда была с ножнами. Они сами по себе драгоценные, украшены крупными камнями, позолотой, насечкой. Но кто будет брать одни ножны без сабли? Я понимаю еще, взяли бы саблю, но по какой-то причине не

стали брать ножны. Но не наоборот же… Что-то там не так.

– А что вообще связано с ножнами? – спросил Елизаров. – Нариманов считает, что без них сабля не имеет ценности. Почему?

– Это вы у меня спрашиваете?

– Булатная сабля сама по себе уже имеет высокую историческую ценность. И финансовую тоже. Конечно, с ножнами – это комплект. Но она и без ножен относится к раритетам. Почему же Нариманов так не считает?

– Я не в состоянии ответить на ваш вопрос. Могу предположить, что именно в надписи на клинке скрыта какая-то загадка, которую разрешить пытались те, кто искал ее почти тысячу лет. Разные люди, представители разных поколений продолжали поиски.

– Вот именно поэтому я рассчитывал на вашу память.

– Здесь моя память помочь не может.

– Может быть, генерал Арцыбашев что-то говорил?

– Мне необходимо подумать. Отец несколько раз какими-то намеками к этому вопросу возвращался. Но я так вот, навскидку, сказать ничего не могу. У меня дома есть где-то цветные фотографии сабли в ножнах и без. Мне необходимо их рассмотреть, подумать.

– Вам будет не сложно предоставить мне эти фотографии для пересъемки?

– Нет проблем, товарищ подполковник. Могу прямо сейчас домой сходить. Только в роту на полчаса забегу. У меня как-никак взвод на попечении, надо узнать, как там дела без меня. Посмотрю, сбегаю за фотографиями и сразу вернусь.

– В пятнадцать минут уложитесь? – Подполковник задрал рукав, показывая часы «Ролекс». – Я пока договорюсь с подполковником Совкуновым. Здесь можно, наверное, где-то сделать пересъемку фотографий?

Старший лейтенант мысленно усмехнулся. Он еще ни разу не встречал человека, носящего такие часы, чтобы тот не был пустозвоном. Значит, и Елизаров из той же породы. И даже не забывает показать, что за часы у него на руке.

– Можно. В шестом кабинете, за пять минут сделают. Нас с вами туда не пустят, – предупредил Василий Иванович, – но Валерий Валерьевич договорится.

* * *

Фотографии нашлись сразу – лежали в верхнем ящике письменного стола, куда Василий Иванович и положил их несколько месяцев назад, получив от отца, когда тот в последний раз приезжал навестить внука с внучкой. Перед тем как отправиться в штаб, Василий Иванович еще раз внимательно рассмотрел снимки. И даже сильное увеличительное стекло из другого ящика достал, чтобы подробности рассмотреть. Вместе с этим увеличительным стеклом он и понес снимки подполковнику Елизарову.

Михаил Афанасьевич так и сидел в кабинете подполковника Совкунова, кажется, прочно там обосновавшись.

– Нашли? – еще раз посмотрев на часы, спросил Елизаров.

– Да.

– Можете, Василий Иванович, звать меня просто по имени-отчеству. Мы у себя на службе так больше привыкли.

– А мы в армии, честно говоря, больше по званию привыкли, товарищ подполковник, – возразил Арцыбашев, показывая, что армейские привычки он менять не намерен и, согласившись сотрудничать с ФСБ, не намерен оставлять военную службу. Возражение не звучало добродушно и было смягчено улыбкой. Василий решил сохранять дистанцию.

Фотографий было шесть, все достаточно крупные, размером с книгу. Блестела позолота, характерно вырисовывался собственный рисунок булата, светились драгоценные камни. На клинке отчетливо можно было прочитать почти все

нанесенные там знаки. Только в одном месте блики от фотовспышки отразились от металла, и там прочитать было ничего невозможно. Само слово «прочитать» было в данном случае весьма условным, потому что сделать этого до сих пор никто не смог. Зачем отцу потребовались эти снимки, Василий Иванович не знал. Но сделали их ему перед самым отъездом к сыну в нескольких экземплярах. И он по одному экземпляру каждого оставил Арцыбашеву-младшему. Наверное, чтобы тот привыкал к вещи, которая когда-нибудь должна будет стать его наследством.

На первой фотографии сабля была в ножнах, лежала на каком-то куске зеленого сукна, которое хорошо контрастировало со сталью и позолотой. На втором снимке клинок был наполовину обнажен. На третьем он был вообще без ножен. Три оставшихся снимка были точно такие же, только сабля была перевернута на другую сторону. Только после просмотра третьего снимка стало ясно, что фотографировали ее на бильярдном столе, потому что камера выхватила часть лузы и сетки под ней. Наверное, использовалась подсветка, вывешенная над бильярдным столом.

Подполковник Елизаров сразу выказал профессионализм оперативника и спросил:

– Генерал Арцыбашев увлекался бильярдом?

– Чтобы отец кий в руки брал, впервые слышу… Вернее, не слышу даже, но вижу, что снимали на бильярдном столе.

– А фотограф кто?

– Не знаю.

– Снимки, судя по всему, сделаны цифровой камерой. Пленочная такого качества не даст. Спасибо. – Подполковник взял предложенное ему увеличительное стекло и стал рассматривать мелкие детали.

– А ножны странные, – заметил Михаил Афанасьевич. – Обычно они делаются сплошными, без отверстий сбоку. А здесь какие-то отверстия. Зачем они?

– Видимо, чтобы рисунок рассмотреть. Может быть, даже не рисунок, а надписи. Мне еще в детстве казалось, что там что-то написано.

– Арабская вязь?

– Нет. Арабскую вязь я бы отличил. Там что-то другое, непонятное. Я такой письменности не знаю. Ни на что знакомое не похоже. Может быть, на древнеславянские буквы, но тоже не то.

– В Хорасане вообще-то курды живут, – сказал, сам себе отвечая на мысленно заданный вопрос, подполковник Елизаров. – Алфавит у курдов арабский. А что у них до арабского было? Василий Иванович, вы же почти дипломированный историк. Не подскажете?

– Не подскажу, товарищ подполковник. В древности, во времена появления письменности, курды могли входить в одно из двух царств: Урарту или Ассирию.

– Вавилонское царство? Я плохо их историю помню, просто говорю то, что на слуху.

– Вавилонское царство много веков не было самостоятельным, – неуверенно вспоминал Василий Иванович. – Первоначально оно входило в Ассирию, и только потом один из царей оставил в наследство младшему ассирийский трон, а старшему завещал подчиненный и полуразрушенный Вавилон. Его перед этим полностью разрушили за восстание. Вавилон поднялся и вскоре снова пытался стать полностью самостоятельным, но опять не получилось. Там потом скифы и киммерийцы вмешались. После этого Вавилон отделился, при библейском царе Навуходоносоре, и тогда уже, наверное, и письменность была. И все-таки я бы географически отнес северный Иран к Урарту… А Урарту уничтожили скифы.

– Хорошо. А какая там была письменность?

– Об этом следует спрашивать у специалистов. Там была клинопись, но утверждать категорически не берусь. Возможно, уже появилось алфавитное письмо, может, и позже. Но какое именно письмо, об этом судить не стану. Могу только с уверенностью сказать, что во времена крестовых походов, когда был сделан клинок, курды пользовались арабской вязью. А на клинке не арабская вязь. Возможно, там вообще какие-то пиктограммы.

– Да, нужно привлекать специалистов, – согласился Михаил Афанасьевич. – Но красота-то какая…

Он отодвинул от себя фотографию, чтобы посмотреть на нее издали, показывая старшему лейтенанту, что пора бы подполковнику и очками обзавестись, поскольку возрастная дальнозоркость никого стороной не обходит.

Постучав, вежливо вошел в свой кабинет подполковник Совкунов.

– Есть фотографии? Давайте, сказали, через десять минут сделают.

– Валерий Валерьевич, просьба: если техника позволяет, крупно выделить вот эти участки клинка. На отдельных снимках и ножны тоже, вот здесь. Все это оцифровать и перебросить на диск.

Елизаров обвел пальцем участки, которые требовалось увеличить.

– Если нужен диск…

– Думаю, сделают и диск найдут. – Подполковник коротко и с любопытством посмотрел на Василия Ивановича. – И такое наследство у тебя похитили.

– У меня, товарищ подполковник, ничего не похищали, – мрачно сказал старший лейтенант. – Саблю похитили у моего отца и зверски убили за нее. А это разные вещи.

– Извини, – начальник штаба понял бестактность своей реплики.

* * *

Новые фотографии вместе со старыми, отпечатанные в двух экземплярах, принес опять начальник штаба, взяв на себя и обязанности курьера: один экземпляр – старшему лейтенанту Арцыбашеву, один – подполковнику Елизарову. Над укрупненным изображением склонились все вместе. Рассматривали сначала молча. Увеличительное стекло держал в руках подполковник Елизаров. Во время изучения укрупненного изображения клинка

вопрос возник у подполковника Совкунова:

– Василий Иванович, вот это мне объясни: на фотографии понять трудно, это насечка или что-то приобретенное с годами?

И показал пальцами на четыре тонкие полосы, пересекающие клинок поперек.

– Трудно, товарищ подполковник, сказать, что это такое. Отец много раз над этим голову ломал. Судя по характерному рисунку булата и по золотой насечке, этих полос быть не должно. Они не золотые, следовательно, не насечка. Явно искусственного происхождения. Рисунок булата – это целое искусство. Я помню, в детстве, когда подолгу клинок рассматривал, от рисунка булата в какой-то транс впадал. Словно сталь меня гипнотизировала. А что эти полосы значат, сказать не могу. Не так давно отец что-то про них говорил, но я, как часто бывает, мимо ушей пропустил. Я не был так увлечен его поиском, потому просто забыл. Боюсь, мне этого уже не вспомнить.

– Попытайтесь, – предложил Елизаров. – Возможно, мы даже рискнем вам помочь с помощью психотерапевта. С вашего, естественно, согласия. Легкая стадия гипноза.

– Легкая стадия гипноза способствует усваиванию изучаемого материала, а произвести воспоминания второстепенных и третьестепенных моментов, которые в памяти не сохранились, можно только при глубоком гипнозе, – со знанием дела сказал подполковник Совкунов.

– Вы, похоже, специалист, – с некоторым раздражением сказал Михаил Афанасьевич.

– Нет, я только муж психотерапевта, – ответил Валерий Валерьевич, – и иногда имею возможность задавать жене вопросы.

– Ладно, – встал подполковник Елизаров, отодвинул фотографии к середине стола и вновь продемонстрировал свои часы. – Я, с вашего разрешения, воспользуюсь компьютером на вашем узле связи. Отправлю снимки нашим специалистам, чтобы поломали голову.

– Я позвоню на узел связи, – согласился Совкунов. – На первый этаж спускайтесь. Дежурный вас проводит.

2

Дверь за подполковником ФСБ закрылась без стука.

– Ну, о чем вы, Василий Иванович, договорились? – сразу спросил подполковник Совкунов. – Умеет он уговаривать?

– Умеет. Я согласился, товарищ подполковник, – спокойно ответил старший лейтенант.

– Согласился работать на них?

– Согласился принять участие в следствии. Работать придется, видимо, в автономном режиме. У них есть наработки, есть зацепки. Но ФСБ выполнение задачи окажется не по зубам. Там, как я понял, нужен военный разведчик, а не следователь и не опер…

– Понял. Не спрашиваю подробностей, которые частично уже знаю, и признаю, что это дело твоей компетенции. Пусть присылают официальное письмо с просьбой о временной передаче тебя в распоряжение их управления. Приказ об откомандировании напишу сам и отнесу на подпись командиру. Но есть кое-какие мелочи, которые ФСБ предусмотреть и тем более обеспечить не сможет.

– Какие? – не понял Арцыбашев.

Подполковник глянул на непонятливого старшего лейтенанта с укоризной.

– Поддержку.

– Какая мне поддержка нужна? Информацией они обещают обеспечить. Подполковник Елизаров обещал. Фактическая сторона дела, как он сказал, на моей совести. Правда, я пока не понял точно свою задачу. Им она какой видится. Какой видится мне – это понятно. Но их интерес тоже должен присутствовать.

Этого мне еще не сказали. Хотя я предполагаю, что им сильно мешает чем-то существование Алишера Алишеровича Нариманова. Здесь уже, конечно, работа только физическая и непростая. Наверняка у такого человека не один десяток охраны.

– Вот об этом я и говорю. Если они направляют тебя для работы в «автономке», значит, сами не желают «подставляться». Информацией могут снабжать, это им не жалко. Ответственность нести, естественно, если что-то случится, не хотят. И никакой физической поддержки тебе не окажут. А что такое в одиночку работать, ты сам должен понимать.

– Понимаю. Весело.

– Иногда это не позволяет выполнить задачу. А выполнить тебе ее надо любой ценой. Потому мы тут с командиром покумекали и решили выделить тебе пару помощников. В прикрытие, в том числе и от ФСБ, потому что полностью им доверять нельзя. Только условие категоричное. Елизарову про прикрытие ни слова. Нынешний подполковник ФСБ, по сути своей, не слишком отличается от отставного полковника КГБ.

Старший лейтенант Арцыбашев понял, что подполковник Совкунов не шутил, когда уверил подполковника Елизарова в том, что микрофоны работают исправно.

– При этом, – продолжил Валерий Валерьевич, – мы не можем выставить прикрытие официально. Поэтому оно тоже выступает в «автономке». Официально мы оформим офицерам отпуск. Твердовский уже выразил согласие, я сам с ним беседовал. Еще одного подбери сам. Финансирование за счет бригадного «резервного фонда». Не думаю, что по этому поводу могут быть возражения с какой-то стороны.

– Спасибо, товарищ подполковник. По большому счету с поддержкой себя всегда увереннее чувствуешь. Втроем мы справимся с любой задачей.

– Спасибо будешь говорить, когда вернешься. Ладно, сейчас Елизаров придет.

– Что ему сказать?

– Ничего не говори. Посмотри, что предложит. А я пошел. Послушаем с командиром, что он скажет. Хорошо, что ты за этот столик пересел – здесь микрофон вмонтирован. Разговор записывается, и при определенных обстоятельствах это может стать твоим способом защиты.

* * *

Подполковник Елизаров вернулся со слегка озадаченным видом.

– Отправили, товарищ подполковник?

– Отправил. Только я рассчитывал получить ответ в течение часа. А они говорят, что только на поиски спеца день уйдет. И предварительный ответ будет только завтра утром. Но, если что-то произойдет и нам с вами повезет, пришлют раньше.

– На бригаду пришлют?

– Нет, на мою электронную почту. Но я с вашего компьютера снять смогу.

– Значит, товарищ подполковник…

– Нам остается ждать и готовиться.

– Чего ждать?

– Сообщения спецов.

– А нам это зачем? Разве это решает стоящие передо мной задачи?

– Нет. Это вообще другая тема в разработке версии. Но она может дать нам конкретный мотив, который суд способен принять за основу. Без мотива все доказательства будут считаться только косвенными.

– Не понимаю, товарищ подполковник, – возразил старший лейтенант. – Разве сама сабля и ее стоимость – недостаточный мотив?

Елизаров явно на какое-то мгновение смутился.

– Наверное, достаточный. Но отвергать все другие версии тоже нельзя. А мы пока вынуждены в любом случае ждать, пока доставят с курьером официальный запрос на временное прикомандирование вас к нашей системе. После этого будет подготовлен приказ, и только тогда мы сможем действовать. Кроме того, я жду, когда мне пришлют данные, необходимые для вас. С собой у меня пока только отдельные документы, проливающие свет на дело, но никак не дающие ориентиры для поиска убийц.

– Значит, в настоящее время…

– В настоящее время вы можете приступить к выполнению своих обязанностей командира взвода. Как только что-то для вас будет, я вас найду.

– А с документами, что у вас есть на данный момент, я могу ознакомиться?

– Позже. Когда пришлют остальные, я их разложу, что называется, по полочкам, и вам, естественно, покажу. Позже.

– Понял, товарищ подполковник. Разрешите идти?

– Идите, Василий Иванович.

Старший лейтенант Арцыбашев действительно кое-что понял, как ему показалось. А показалось ему, что подполковник Елизаров вдруг резко потерял к нему интерес. И вывод из всего этого можно было сделать лишь один: подполковник ФСБ прибыл в бригаду вовсе не для того, чтобы получить себе такого помощника, а исключительно для получения сведений о сабле. Возможно, даже не о ее стоимости, а какой-то другой, неизвестной характеристике. И такая характеристика несомненно, была. Как раз ее загадку пытался разгадать еще генерал Арцыбашев. А до него многие желали получить саблю в руки. Значит, в сабле был скрыт какой-то секрет, раскрыть который сотрудникам ФСБ казалось более важным, чем найти убийц генерала. Такое отношение к себе и к поиску преступников было для Арцыбашева-младшего обидным и не вызвало дальнейшего желания сотрудничать с Елизаровым. Не зря тот сразу не понравился и самому Василию Ивановичу, и его жене. А Людмила, как хорошо

знал старший лейтенант, была психологом не только по профессии, но и по сути. Она редко ошибалась в людях.

Василий Иванович уже начал открывать дверь, когда Михаил Афанасьевич остановил его:

– Товарищ старший лейтенант, а вы все-таки выберите момент, сядьте где-нибудь в сторонке, чтобы никто вам не мешал, и попытайтесь вспомнить все, что ваш отец или даже дед говорили о сабле. Не будут разные поколения людей в течение тысячи лет искать оружие, если оно не имеет другой ценности, кроме качества стали. Подумайте, что может скрывать эта сабля. Если не получится, придется прибегнуть к помощи гипнотизера.

– Это запрещено инструкциями спецназа ГРУ: разрешается работать только со своими штатными психотерапевтами. Но даже в этом случае не рекомендуется глубокое погружение в трансовое состояние, только легкая стадия гипноза. А она, как сказал подполковник Совкунов, не в состоянии вызвать воспоминания.

– Мы с вами, в случае необходимости, попробуем как-то обойти этот запрет, – Елизаров говорил почти доверительно.

– Не думаю, что обстоятельства заставят меня согласиться на это. – Голос старшего лейтенанта Арцыбашева, напротив, звучал вполне категорично.

– Ну да, посмотрим. Обстоятельства могут быть разными, – уклончиво заметил подполковник. – Вот что, Василий Иванович, продиктуйте мне номер своего мобильника, если можно. Я его сохраню. Если возникнет что-то срочное, я перезвоню вам.

* * *

– Ротный где? – спросил Арцыбашев первого, которого встретил, входя в казарму.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант. С приездом, – ответил младший сержант. – Капитан Твердовский был в канцелярии…

Канцелярией называли небольшую комнатушку рядом с решеткой оружейной горки, где обычно и выполнялись все ротные канцелярские дела, хотя как таковой канцелярией комнатушка не числилась. Дмитрий Евгеньевич сидел за столом и чесал голову, составляя повзводное расписание занятий на следующий месяц. Дело, от которого всегда хочется оторваться, как знал уже и Василий Иванович, занимавшийся этим, когда на время отпуска заменял капитана Твердовского.

– Привет! – встал капитан. – Кстати, сразу. Домой соберешься, напомни: я тебе шматок сала припас. Из дома посылку с оказией прислали. Отец порося заколол, накоптил и мне, наверное, добрую половину отвалил. А куда мне столько? Я пока на мороз между рамами в окне устроил. Отец у меня коптит тушками, не в пример мне. Старая школа…

– Спасибо. Людмила твое сало весьма ценит.

– Ты тоже вроде не мусульманин…

– А я и не отказываюсь.

– Я твоему взводу срезал четыре часа «рукопашки». – Командир роты кивнул на расписание, и стало ясно, почему он начал разговор именно с сала, которым намеревался угостить. – Они тут без тебя расписание, похоже, методом голосования составляли. Так насоставляли – еле разгреб. Что необходимо – по минимуму: что нравится – в три раза больше максимума. Ты им объясни, что в армию они пришли не махаться… Лишний час поползать – в боевых условиях больше пользы будет. А «рукопашка»… Ты сам в боевых условиях ее много раз применял?

– Ни разу, – согласился Арцыбашев.

Он хорошо знал обычные просьбы солдат своего взвода. Имея командиром чемпиона Вооруженных сил по армейскому рукопашному бою, солдаты хотели равняться на командира. И по «рукопашке» взвод был самым сильным в бригаде. Но сам Василий Иванович, как командир и как участник многих операций в регионе Северного Кавказа, хорошо знал, что больше требуется. И потому командиру роты не возразил.

Зазвонил телефон. Старый аппарат армейского образца имел натуральный «командирский голос». Но капитан Твердовский, глянув на аппарат, только рукой махнул.

– Если что срочное, дневальный доложит. Садись пока.

– Когда едем?

Капитан, кажется, готов был прямо сразу, не заходя домой, отправиться в дорогу, не зная даже, что ему предстоит делать и куда ехать. Дмитрий Евгеньевич был на подъем всегда легок.

– Подумаем. Может, и вообще не поедем. А поедем, но не так, как им хочется.

– Что, не нашел общий язык с подполковником Елизаровым? – поинтересовался капитан с легким удивлением. – А мне начальник штаба иначе говорил…

– Обстоятельства, кажется, меняются. И не по моей вине. Из меня просто хотели выкачать сведения. Больше им, как мне сдается, ничего и не нужно. А я сдуру фотографии сабли притащил, это почти все решило. Елизаров откровенно потерял ко мне всякий интерес. Ну, не всякий, еще осталось кое-что, если я вспомню. Только у меня склероз начался. Не люблю, когда меня так используют. Ну, спросили бы просто, и все было бы ясно. Так нет ведь, просто они не умеют. Вертятся, как черви, сами себя перехитрить пытаются.

– Что КГБ, что ФСБ – разницы никакой, – согласился капитан Твердовский.

В дверь постучали.

– Войди… – разрешил командир роты.

Солдат с повязкой дневального не вошел, а только заглянул в приоткрытую дверь.

– Товарищ капитан, звонил начальник штаба бригады. Спрашивал, где вы и где старший лейтенант Арцыбашев. Я хотел позвать, он сказал, что не нужно. Сам сюда идет…

Солдат стоял за порогом, словно приказаний дожидался.

– И хорошо… Чего ждешь? За водкой не пошлю… Иди, встречай товарища подполковника…

Дневальный закрыл за собой дверь.

* * *

Вместе с подполковником Совкуновым, почти прижимаясь к его ноге, в казарму зашел Товарищ Старший Прапорщик Черноносенко. Одного пса, естественно, никто в казарменное помещение не запустил бы. Хватит и того, что его всегда пускают на парадное и на служебное крыльцо гарнизонной столовой. Но пес прекрасно чувствовал начальство и любил пристроиться рядом с кем-то из старших офицеров, особо выделяя командира бригады и начальника штаба. Тогда его могли запустить даже внутрь столовой, не говоря уже о казарме. В канцелярию роты начальник штаба вошел вместе с собакой. Товарищ Старший Прапорщик Черноносенко сразу улегся рядом со столом командира роты, зевнул во всю ширину своей необъятной пасти, уложил громадную голову на лапы, словно желал показать, что мешать он никому не намерен.

– Садитесь. – Валерий Валерьевич жестом остановил начавшийся стандартный доклад и сам тоже придвинул к себе стул, но не сел, а развернул его и оперся обеими руками в спинку. Впечатление создавалось такое, что лектор стоит за трибуной и готовится прочитать длинную лекцию на всем интересную, кроме Товарища Старшего Прапорщика Черноносенко, тему. Для начала подполковник долгим взглядом посмотрел на Арцыбашева.

Тот ждал слов подполковника, понимая, что этот взгляд что-то должен означать.

– Произошло то, чего я в глубине души и ждал. И не знаю, к лучшему это или к худшему для тебя лично, Василий Иванович. Боюсь, что, получив часть сведений и не имея возможности получить другую, ФСБ просто «забудет» прислать письмо с просьбой об откомандировании. Мы, и ты в частности, им уже по большому счету не нужны. По крайней мере, так мне показалось после того, как подполковник Елизаров вернулся с узла связи. Сейчас компьютерщики просматривают переговоры, которые Елизаров с нашего компьютера вел со

своим руководством. Как только все разберут, пришлют распечатку. Пока мне только одну фразу передали. Михаил Афанасьевич сказал, что уже можно запускать информацию полковнику Самойлову. Следовательно, они знают и где он находится, и чем занимается. Нам же говорят, что это им неизвестно и найти Самойлова – это задача Арцыбашева. И какую информацию они хотят запустить? Это, кстати, большой и чрезвычайно важный для нас вопрос. Может быть, после разбора всех сообщений что-то выяснится, хотя это едва ли. Но я уже сделал предварительный вывод, что Елизаров частично добился того, чего хотел. И даже большего. Он получил фотографии сабли и ножен. Я, кстати, попросил командование поставить на прослушивание трубку самого подполковника. Обещали сделать. Надеюсь, это даст хоть какой-то результат. А пока мы только знаем, что ФСБ старательно водит нас за нос, желая использовать непонятно как и пока неизвестно для чего. При этом, как нам с командиром бригады кажется, существует вполне реальная возможность «подставы» старшего лейтенанта Арцыбашева с тем, чтобы скрыть следы реальной деятельности ФСБ. Списать поимку и «случайную гибель» убийцы на чувство мести, чтоб никто и не вспомнил о заказчиках этих «показательных мероприятий». Кстати, «подставлен» в этом случае будет не только лично старший лейтенант Арцыбашев, но и весь спецназ ГРУ, как система, опасная для «правового государства». Это послужит удобным оправданием тем деятелям, что сокращают целые бригады спецназа. Выкидывают людей, как мусор на помойку. И возможно, ФСБ нас и заменит. Или если не заменит, то возьмет под свое «мудрое руководство». И без того уже с помощью директора мебельного магазина, то есть министра обороны, как его по недоразумению зовут в правительстве, собираются забрать агентурное управление. И ведь заберут, чего доброго. И что от военной разведки останется? Сначала агентуру заберут, потом спецназ, а потом и всю разведку оставят, только батальонного масштаба. К тому и идет. Ладно, ворчать будем на пенсии. До этого будем учиться свои интересы отстаивать. И интересы страны тоже, кстати сказать. Ну и что будем делать, товарищи офицеры? Василий Иванович, будут какие-то предложения?

– Я пока и не знаю, что лучше. Единственное, что сразу приходит в голову, – это захватить Елизарова и допросить его, как сам же говорит, в «автономном режиме». Пусть и некуда будет предъявлять результаты допроса, тем не менее хоть что-то узнаем.

– Веселенькое дельце, – согласился капитан Твердовский. – Я всегда за такие мероприятия. Они меня вдохновляют.

Глава третья

1

Распечатку переговоров подполковника Елизарова с его руководством вскоре принесли. Начальник штаба бригады к тому времени уже ушел по своим делам, но отправить экземпляр пришедшего документа в казарму, где командир взвода с командиром роты дожидались его, не забыл.

В беседе, которая велась при помощи клавиатуры, ни разу не было названо имен и званий, кроме имени полковника Самойлова, которому, как решили собеседники, пора уже запускать информацию, чтобы вызвать к действию и старшего лейтенанта Арцыбашева, «разработка» которого велась в настоящее время. Тем не менее сразу было ясно, что это говорят не просто участники одной операции, но соучастники преступления. Однако до полного выяснения обстоятельств он сдержался: сказалась привычка военного разведчика сначала обдумывать все данные, а потом делать заключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Действительный эпизод.

2

Бармица – кольчужная сетка, крепящаяся к шлему, закрывала горло и шею. Встречались шлемы с глухой бармицей, закрывающей все лицо.

3

«ПМ» – пистолет Макарова.

4

Хорасанская сталь – на средневековом Востоке лучшие булатные клинки делались в Дамаске и в Хорасане, развитом ремесленном городе на севере средневековой Персии, где основное население составляли курды. Курдская знать была вооружена именно таким оружием и разнесла славу о нем по всей Европе благодаря крестоносцам, которые так и не смогли победить султана Саладина (Салах-ад-Дина), курда по национальности. В сражениях сабли курдов рассекали европейскую броню, как бумажную. Английский король Ричард I (Ричард Львиное Сердце) пытался заманить к себе всяческими посылами хорасанских оружейников, однако это ему не удалось. Каких-то оружейников сумел вывезти в Европу герцог Болдуин, предок нынешней династии бельгийских королей, однако они или не захотели, или не сумели выплавить булат в Европе. Тайна изготовления хорасанской стали так и осталась тайной.

5

ДОС – дома офицерского состава. Как правило, небольшие поселки внутри расположения части или рядом с ней, где проживают офицеры и служащие с семьями.

6

Работать в «автономке» – то есть выполнять задание без официальной поддержки командования. В случае провала исполнитель несет ответственность сам, словно бы и не получал приказа.

Купить: https://tellnovel.com/samarov_sergey/avtonomka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити